АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

ОРБИТА ДЛЯ ОДНОГО

Кинофантастика

Александр Громов

Вычислитель. Орбита для одного

«Эксмо»
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Громов А. Н.

Вычислитель. Орбита для одного / А. Н. Громов — «Эксмо», 2017 — (Кинофантастика)

ISBN 978-5-699-95005-8

Продолжение приключений легендарного Вычислителя, уникального математика Эрвина Канна, на планете Хлябь. Приговоренный к изгнанию в гиблое Саргассово болото, он выжил и вернулся – конечно, не для того, чтобы забиться в нору. Его оружие – интеллект, но любое оружие бессмысленно, если не находит применения. Остановит ли запредельный риск Вычислителя, который не мыслит себя вне Большой Игры? Что ему выбрать: спокойно и незаметно прожить жизнь на мирной планете или найти нерешаемую задачу и… решить ее? Для Эрвина тут нет вопроса…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95005-8

© Громов А. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Глава 5 30
Глава 6 36
Глава 7 43
Глава 8 50
Глава 9 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Александр Николаевич Громов
Вычислитель
Орбита для одного

Издано в авторской редакции

© Громов А.Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть первая

Глава 1
Тряпка

Шли вчетвером.

Впереди, спотыкаясь о камни, брела Кристи, следом кое-как тащился Эрвин. А позади них, то отпуская плоские шуточки по адресу задержанных, то понукая их резкими окриками, шагали два здоровенных – хоть на племя их пускай – патрульных. Тот, что был чуть пониже и пошире, носил капральские нашивки, второй прозябал в рядовом чине. Оба уже поняли, что задержанные дойдут куда надо на своих двоих, хоть их и шатает из стороны в сторону, как пьяных. Это хорошо, что могут идти. Для них хорошо. Тащить задержанных на себе служивые, конечно, не стали бы. Пристрелить их и спихнуть трупы в болото – вот и вся недолга.

Но нет, ты глянь – идут! Сами идут. Ну вот и ладно, лейтенанту будет о чем доложить наверх. Авось и патрульным перепадет какое-никакое поощрение. Кто сказал, что они не нужны и умеют только обирать местное население? Сам иди послужи на кордоне, умник! С местных и взять-то нечего, разве что девку какую затащить в лес. Так ведь тоже удовольствие на любителя: они ведь моются раз в год, и все, от малолеток до старух, в болячках от болотных миазмов! Их мужики смахивают на грязных дикарей и скорее стрельнут в спину, чем поделятся чем-нибудь. У половины все ценное давно отобрано бандитами, а вторая половина сама в сговоре с теми бандитами. Ну как, веселое место?

Плюс ко всему еще осужденные из числа особо везучих. Редко-редко, но случается так, что кому-нибудь из них удается пробраться по болоту за пределы кордонного невода, и на этот случай приказ начальства велит изловить и доставить. При сопротивлении – шлепнуть, но лучше доставить. Забавно было бы поглядеть, как их сунут в очередную группу приговоренных к «вышке» и выпихнут на болото по второму разу…

Так думали патрульные или не так, Эрвин не знал. Сам он думал главным образом о том, чтобы не упасть. Знал: упадет – не встанет. Даже не попытается. Пусть стреляют в затылок. Не было ни сил, ни желания жить. Сколько можно цепляться за жизнь ногтями и зубами, вычислять оптимальную линию поведения, ловить мизерные шансы, проскальзывать в крошечные прорехи, раз за разом оставляя с носом людей и болото? Кто угодно устанет от такой жизни и однажды скажет: не могу больше, хватит. Кто-то раньше, кто-то позже – и только в этом главная разница между людьми.

Но он еще мог идти. И шел.

Зачем – не знал. Из-за Кристи? Из-за того что одно из определений понятия «жизнь» начинается словами «высокоустойчивое состояние вещества» и надо соответствовать прилагательному «высокоустойчивое»? Он не думал об этом. Сейчас он вообще ни о чем не думал. Ну разве что о холоде.

Он отдал Кристи штаны и куртку, сам оставшись в исподнем. Хорошее верхнее и хорошее исподнее не успело сгнить за недели симбиоза с язычником. Но то недели… Кристи досталось куда сильнее. Обрывки ее тюремной робы и штанов вообще расползлись в гнилую труху. Сколько времени она провела в мертвой болотной жиже, дыша и питаясь через своего симбионта? Эрвин никак не мог сообразить, сколько времени прошло с того дня, как над подругой сомкнулась болотная топь. Полтора года или уже два? Подумалось, что это мелочи. Важны последствия. Ведь она нашла его, а он пересилил себя, последовав за ней,

и в конце концов совершил невозможное, заставив своего издыхающего язычника вытянуть из болота и себя, и ее… В одиночку Кристи не справилась бы. Он опять спас обоих.

Она заново училась ходить. Он требовал, чтобы она опиралась на него, а она кричала, чтобы он не смотрел в ее сторону. Ее лицо сделалось одутловатым и белым, как мучной червь. Таким же было и тело. Он помог Кристи одеться, подвернул штанины и рукава. Отдал ботинки – пусть велики, но сойдут. Полцарства за маникюрные ножницы! Невероятно отросшие ногти пришлось грубо обломать. Оторванной от рукава полоской Эрвин перевязал ей в хвост отросшие волосы. Кристи понемногу успокоилась и даже сумела выговорить, не с первой, правда, попытки и очень невнятно: «Я порядочное чучело, да?»

– Ты жива, – ответил он. – Мы оба живы. – И почувствовал, что она вот-вот улыбнется.

Издыхающие язычники еще шевелились. В сером небе кружились падальщики. Язычник-самец отчаянно пытался уползти назад в болото, искал щупальцем опору, пытался схватить Эрвина, а потом сдался, приплюснутый к берегу силой тяжести. Эрвин помог Кристи отойти шагов на сто.

Слабы? Да. Голодны? Да. Два чучела? Тоже да. Зато свободны. «Мы снова люди, а остальное в наших силах», – мог бы радостно заявить Эрвин, но промолчал. Кристи и так все понимала. Она знала все, что он мог бы сказать ей, чтобы подбодрить.

Он просто помогал ей учиться ходить.

Будто заранее знал, что это умение пригодится ей раньше, чем она думает.

И сейчас Кристи шла, как умирающая от усталости сомнамбула, – опустив голову, шатаясь, волоча по мокрому песку ноги, – но все-таки шла. Она знала, что есть смысл бороться до конца, потому что рядом Эрвин Канн по прозвищу Вычислитель. Значит, шансы как минимум есть. Можно даже ставить три к одному на то, что они хороши.

Легко жить тем, кто умеет надеяться на то, о чем не имеет никакого понятия…

Береговой патруль появился значительно раньше, чем рассчитывал Эрвин. Он знал, что сам виноват. Надо было сразу уходить подальше от края болота, – что с того, что берег каменист и крут? В лесу, в скалах можно было остаться незамеченными. Дошли бы до какого ни на есть укрытия, если бы постарались. Как-нибудь доползли бы.

Другой на месте Эрвина сказал бы, что Судьба – подлая штука. Выбраться из болота далеко-далеко от края кордонного невода и уже спустя несколько часов попасться на глаза патрулю – тотальное невезение и явный перст Судьбы. Сдайся, человече, отдай себя течению, пусть несет. Ну что тебе еще непонятно?

Какая Судьба, какие персты?.. Эрвин думал лишь о том, куда поставить ногу, чтобы не упасть, да еще о том, что все повторяется: вот опять Кристи идет впереди, а он сзади. Только веревки нет. И рюкзачка. И одежда на ней не та. Но разве что-нибудь когда-нибудь повторяется в абсолютной точности?

Иных мыслей не было. Не было и удивления безмыслию. Разве он когда-нибудь мыслил по-настоящему? Нет, он только считал. Так было вернее. Лишенная математики мысль неэффективна, а порой и вредна. Годится лишь на то, чтобы человек тешил себя иллюзией, будто он не животное, а нечто совсем особенное.

Болото медленно ползло на плотный песок, лизало черной жижей кучи мертвых водорослей на берегу. Начинался прилив. По окрику капрала ушли с песка на наклонную гранитную плиту. Она тянулась вдоль берега черт знает куда. Попадались невысокие уступы, валуны, каменная мелочь. Из трещин торчали пучки жестких травянистых растений. Гранитный берег мало-помалу повышался. Кристи шатало. Ей было трудно идти в гору. Стали попадаться трещины и расселины в полшага шириной, уходящие вглубь до основания гранитной плиты, – память о древних землетрясениях, ломающих гранит. Перешагивая через очередную расселину, Кристи наступила на штанину и, слабо охнув, упала. Как куль.

– Не стреляйте! Я подниму!.. Она пойдет!..

Слова сами выпрыгнули из гортани. Перешагнув расселину, Эрвин наклонился над Кристи. Он не был уверен, что сумеет помочь ей подняться и сам при этом удержится на ногах. А не удержится, упадет – вряд ли встанет.

Стоило столько мучиться, чтобы быть застреленными! Эрвин видел и слышал патрульных недолго, но достаточно, чтобы сделать вывод: эти не потащат задержанных на себе к флаеру. Где их флаер?.. Должен быть где-то неподалеку. По идее в нем должны скучать еще двое. Обычная практика: патрульный флаер садится, одна пара выходит размять ноги и заодно осмотреть берег, затем она возвращается, флаер перелетает на новое место, выходит вторая пара, а первая ждет…

Если эти двое не любители долгой ходьбы, то флаер где-то поблизости.

А если нет?..

Эрвин спиной чувствовал, как патрульные пребывают в задумчивости, не зная, что предпринять. Секунда – и будет принято решение. Время почти остановилось, медленно-медленно текли миллисекунды. Кристи лежала ничком. Ее тело было мягким, как у моллюска, и таким же инертным. Кровь капала на гранит из рассеченной скулы. Припав на колено, Эрвин изо всех сил тянул Кристи, взяв ее под мышки, и прекрасно понимал, что если даже и справится, на это уйдет куда больше одной секунды.

И эта секунда прошла. Но вместо ослепительной вспышки и вечной черноты следом за ней послышался хриплый, несколько удивленный голос:

– Глянь…

– Ого! – ответил второй патрульный. Затем кашлянул и сплюнул.

В этом месте обрывистый край гранитного массива выгнулся дугой прочь от болота. На пляже, еще не затопленном приливом, издыхал огромный язычник. Не самый гигантский – Эрвин видывал язычников и побольше, – и не поперечно-полосатый с мозговитым симбионтом, а обыкновенный тупой пожиратель всего, что бегает и ползает по зыбуну, один из настоящих хозяев Саргассова болота. Крупная самка нашла в обрыве гранитный выступ, чтобы, зацепившись щупальцем, вытянуть свое громоздкое тело на берег, отложить яйца и умереть. Ее разлагающаяся туша, вернее, то, что оставят от нее падальщики, послужит пищей малышам. Зрелище отвлекло патрульных. Один на всякий случай посветил прикрепленным к лучемету фонариком в расселину под ногами и потерял к ней интерес. Другой пустил луч в язычника – тоже, наверное, на всякий случай.

Моллюски не кричат, но взметнувшееся в воздух щупальце было страшнее самого ужасного вопля. Оно не дотянулось бы до патрульных, но те суетливо попятились. Если они и ждали опасности, то только со стороны язычника, а не из трещины и уж тем более не от двух полумертвых задержанных.

Люди часто ошибаются. А люди с оружием порой ошибаются даже чаще невооруженных. Они воображают себя сильными. Эрвин все еще пыхтел и стонал, пытаясь поднять обмякшую Кристи, а в его положении уже произошли серьезные изменения. Один из патрульных вдруг коротко вякнул, и Эрвин, оглянувшись, успел заметить, как он исчезает в расселине. Стукнул по камню лучемет. Второго патрульного уже не было. Из расселины послышались и стихли звуки короткой возни. Затем из нее высунулась лохматая голова и оглядела Эрвина и Кристи оценивающим взглядом:

– Кто такие?

Медлить с ответом не стоило.

– Мы… – Эрвин указал на болото, – оттуда…

– Осужденные?

Эрвин закивал.

– Еще раз соврешь – язык отрежу, – без особых эмоций посулил обладатель всклокоченной головы. – Скажешь, такой прикид у осужденных?

– У *давно* осужденных бывает еще и не такой, – возразил Эрвин.

– Что ты там бормочешь? Давно, говоришь?.. И как давно?

– В позапрошлом году, – сообщил Эрвин. – Или в прошлом? Какой сегодня день?

– Пасмурный, – буркнул лохматый и скрылся в расселине. С полминуты никто оттуда не показывался. За это время Эрвин сумел помочь Кристи сесть на гранит и сел сам – спина к спине, как когда-то давным-давно сидели они, подпирая друг друга, на ящике посреди болота.

Посидеть вволю не пришлось – из расселины ловко выбрался человек в линялой военной форме без знаков различия. Быстро скользнул взглядом по двум непонятным людям и опустил ствол лучемета.

– С Гнилой мели? – спросил он.

– Нет. – Эрвин покачал головой.

– Тогда откуда?

– Ты все равно не поверишь, – сказал Эрвин, косясь на лучемет. Наверняка это был один из лучеметов злосчастных патрульных, и нападение на береговой патруль было затеяно местной бандой исключительно ради завладения оружием. Оставалось лишь неясным, кто этот человек – пахан или один из его ближайших подручных?

Ствол лучемета шевельнулся.

– Да-да, стреляй, – кивнул Эрвин. – Когда я скажу, откуда мы, ты обязательно нас прикончишь, потому что рассказывать тебе сказки – это наглость, за которую отвечают. Ну и чего тянуть?

– Говори. – И Эрвин понял, что перед ним пахан. Подручным, даже ближайшим, редко удается скрыть сладкое удовольствие от возможности покомандовать, они часто истеричны и всегда готовы поглумиться над беззащитными. Этот был деловит и, кажется, в самом деле хотел понять, не пригодятся ли на что нечаянные найденыши.

Эрвин глубоко вдохнул и подумал, что этот вдох может оказаться последним в его жизни. Ему было почти все равно, но жаль было Кристи. Она не заслужила того, что с ней сделают.

– Верь, не верь, мне все едино, – сказал он, – но мы пришли со Счастливых островов…

И сам увидел: ему удалось изумить пахана. Одно мгновение тот оторопело молчал, затем коротко рассмеялся сквозь зубы.

– Думаешь, я поверю?

– Нет, – сказал Эрвин. – Как раз этого я не думаю.

– Жить хочешь? – задушевно поинтересовался пахан. – Тогда говори правду. Откуда ты?

– Ты слышал. Это правда.

– Решил шутки со мною шутить? А знаешь, что я делаю с шутниками?

– Я не обещал, что ты поверишь.

Пахан погрузился в раздумье. Длилось оно не более секунды, и Эрвин за это время даже не успел подсчитать, насколько возросли его и Кристи шансы остаться в живых. Но твердо знал, что шансы растут.

– Никто еще не доходил до Счастливых островов, – сказал пахан.

– Откуда такие сведения? У тебя есть прямое сообщение со Счастливыми островами? Жаль, что я этого не знал. – Дразня пахана, Эрвин шел на риск и знал, что этот риск оправдан. – Я дошел. Юст Полярный Волк не дошел, а я дополз на карачках. Не веришь? Не верь. Но так было.

– Ты знал Юста? – В деловом тоне пахана Эрвин различил слабую нотку удивления.

– Я знал двоих, носящих это имя. Который из них тебя интересует?

В следующую секунду Эрвин понял: пахан не станет стрелять ни в него, ни в Кристи. Во всяком случае, пока. Но прошла еще целая секунда, прежде чем пахан сказал:

– Пойдешь с нами. Твоя баба двигаться может?

– Куда она денется, – подхватил Эрвин. – Уходить-то надо. Где-то неподалеку патрульный флаер, не думаю, что дальше мили отсюда. Зря мы тут торчим.

Пахан ничего не сказал, но явно придерживался того же мнения. Он нырнул в расселину, а Эрвин помог Кристи подняться.

– Молчи, – шепнул он ей. – Будь тушкой. Говорить буду я. Доверься мне.

– Я только это и делаю, – попыталась улыбнуться Кристи, и Эрвин почувствовал мимолетное раздражение. Оно прошло, когда Кристи добавила: – И не жалею.

«Еще бы тебе жалеть, – подумал Эрвин. – Но ты лжешь, как лгут все женщины, изображающие, будто послушно идут за мужчиной, и всегда держащие в уме свое. Ложь простодушная, льстивая, но действует… на влюбленных и глупцов. Ты хоть помнишь, что я ни то и ни другое?»

Кое-как они сползли в расселину. Ставь ногу сюда, цепляйся тут, вот хороший выступ… К счастью, Кристи успела чуть-чуть отдохнуть. Достигли дна. Расселина здесь была такой ширины, что протиснуться удавалось только боком. Под ногами из слежавшегося слоя песка и занесенного сюда ветром лесного мусора торчали камни. Впереди маячили тени, доносились шорохи. Слышно было, как кто-то топает и дышит позади, почти наступая на пятки и, наверное, злясь на то, что пара чучел с болота плетется еле-еле. Полоска неба над головами мало-помалу сузилась в щель, затем и вовсе пропала, зато ход расширился. Пришлось пройти по мягкому, судя по ощущениям – по раздетым телам патрульных. Кто-то включил фонарик.

Готически-стрельчатый ход вел в глубь гранитного массива, как червоточина. Стены сочились влагой, пахло обыкновенной затхлостью, очень приятной после смрада болота. Согнувшись, прошли под заклиненной глыбой, готовой, казалось, сорваться в любую минуту и раздавить кого-нибудь из особо невезучих. Эрвин не мог точно определить численность группы, но думал, что в ней человек пять-семь. Впрочем, без разницы, сколько их… Люди есть люди, и бандиты подчас не худшие из них. Там будет видно… Пока же Эрвин прилагал все силы, чтобы не упасть самому и поддержать Кристи. Утруждая мышцы, он почти не утруждал мозги. Слушал, смотрел, впитывал, но не считал. Что считать, когда так мало данных? Бесполезное занятие.

Шли довольно долго. Удивительно, но расселина, закрывшись сверху, не спешила превратиться в узкую трещину, куда не проскользнет и намыленный. Прекратился лишь спуск, начался едва заметный подъем. В одном месте все-таки пришлось лезть в щель, и это упражнение едва не убило Эрвина. Никто и не подумал помочь ему протискиваться самому и протискивать женщину. Кристи совсем обмякла, она была не нужна, она была обузой, и обузой вредной, помехой в будущих расчетах. Когда не стало сил тащить ее, пахан молча вынул нож.

– Не торопись, – через силу сказал Эрвин, тяжело дыша. – Эту ошибку ты еще успеешь сделать.

– Правда? Думаешь, это будет ошибкой?

– Уверен. Потом поймешь.

Опять риск, но риск оправданный. От ответа пахана зависело многое, если не все, его ответ должен был стать последним элементом чернового психологического портрета, так легко переводимого на математический язык. И последний элемент не заставил себя ждать.

– Считаешь себя шибко умным, да?

– Себя? Нет. Ее – да. – Эрвин указал на Кристи. – Она гений, а я при ней. Кстати, одну ошибку ты уже сделал.

– Ого! Это какую же?

– Даже моих мозгов хватает, чтобы понять, какую. Стоило убивать служивых ради двух лучеметов! Добро бы еще целью был флаер – вот ради него стоило бы потрудиться. Теперь уже поздно. Очень скоро береговой патруль начнет вас гонять, а у вас появится занятие – уходить от преследования. Кошки-мышки. Это не жизнь.

– Замолкни, падаль! – По скулам пахана прокатились желваки.

– Ты не то хотел сказать. Ты хотел сказать, что другой жизни для тебя и твоих людей нет и не может быть. Ошибаешься, она есть. Флаер…

– Закройся, я сказал! Эй, ты! И ты! Вы двое. Берите эту бабу и тащите. Башкой отвечаете. А ты – побереги язык! Пошел!..

Могло быть хуже, подумал Эрвин, громоздясь на непослушные ноги. Два бандита подхватили Кристи под мышки. Один из них, не шибко довольный полученным приказом, пробурчал грязное ругательство, но и только. Вожак банды явно пользовался непререкаемым авторитетом среди своих людей, и это было хорошо. Жесткая структура. Результат придет быстрее, если воспользоваться готовой структурой, какова бы она ни была. И расчеты проще.

Вскоре стало светлее, а еще спустя минуту над головой вновь появилась полоска неба. Расселина кончилась осыпью, пришлось карабкаться вверх на четвереньках. По команде пахана перебежали пустошь и врассыпную двинулись сквозь низкорослый лес. Врассыпную-то врассыпную, но Эрвин слышал за спиной чье-то дыхание. Он не оборачивался. Пускай дышат, пускай топают, пускай держат на мушке. Это ничего не значит. Дальнейшее – дело техники.

Глава 2
Медиум

Деревня была маленькая, десятка в полтора дворов, хаотично разбросанных там и сям, как будто какой-то великан небрежно швырнул на землю горсть камешков и повелел каждому камешку вырасти в неказистое строение. Ни плана, ни центральной улицы. Собственно, улиц здесь вообще не было – были натоптанные тропинки и тележные колеи, петляющие между пустырями и огородами. Зато по занимаемой площади эта деревня могла бы посоперничать с любым из столичных пригородов с двадцатитысячным населением.

Здесь же не обитало и сотни туземцев, включая детей. Каин – так звали пахана – был для них куда более зримой и реальной властью, нежели далекое правительство в далекой столице. Эти люди выращивали кое-что на продажу и прокорм, ковырялись в старом руднике, понемногу добывая янтарь неважного качества, и раз в один-два года торговались с прилетавшими сюда перекупщиками. В голодные времена им приходилось отправляться на болото за головастиками. Ни школы, ни местной администрации, ни полиции – вообще ничего. Пусто. В чем не ощущается потребности, то и не нужно. Эрвин прекрасно знал, к какому территориальному округу относится эта местность, и был уверен, что о таком явном излишестве, как сборщик налогов или, скажем, избирательная комиссия, туземцы и слыхом не слыхали.

Каин был для них и сборщиком, и судьей, и защитником, и благодетелем. Свою банду он по местной традиции именовал братством. Само собой, на время масштабных рейдов, время от времени затеваемых кордонным начальством, братству приходилось отсиживаться на дальних хуторах, а то и вовсе прятаться в подземных норах, но масштабные рейды проводились редко и не слишком тщательно, а обычные патрули знали, чем рискуют, наведываясь во владения Каина. Местные жители разумно поддерживали его, а не военных. Во-первых, алчность братства имела пределы, в трудные времена оно могло, в отличие от служивых, и поделиться чем-нибудь, а во-вторых, законное начальство, как гражданское, так и военное, обреталось в неведомой дали, а Каин был здесь, под боком. И твердо намеревался быть и дальше. Как минимум.

А как максимум?

Состариться здесь? Много ли отнимешь у нищих? И никакой перспективы… Всю жизнь заниматься мелкими делами и рано или поздно быть убитым в стычке с патрулем либо в разборке со своими же? Каин должен был задавать себе эти вопросы.

Если нет, размышлял Эрвин, если Каин слишком глуп для этих вопросов, тогда все кончено. Но после разговора с ним, а главное, из-за того, что пленники были еще живы, Эрвин знал: сказанные им слова о флаере упали на благодатную почву. Вроде семян. Что нужно семенам, чтобы пойти в рост? Только полив, тепло и время.

Великое счастье, что пленников не разделили. Эрвин и Кристи были отведены в первую попавшуюся хижину, чьим обитателям выпала сомнительная честь сторожить пленников. Упав на низкую лежанку, прикрытую ветхим тряпьем, Кристи тут же уснула. Она не проснулась и тогда, когда шамкающая старуха принесла пленникам одну на двоих миску невкусного жиденького варева. Как ни терзал голод, Эрвин съел совсем немного и все равно мучился от приступов рези в желудке. Так и должно было быть, желудок заново учился делать свою работу. Утешить себя можно было лишь тем, что эта боль, пожалуй, последняя плата за симбиоз с язычником.

Сквозь маленькое, в деревянном переплете оконце, затянутое пузырем неизвестного животного, просачивался бледный свет. С закатом он померк. Каин в этот день не появился,

чему Эрвин был рад. А Кристи проспала весь остаток дня и всю ночь. Утром она открыла глаза и вымученно улыбнулась.

– Поесть бы…

Эрвин дал ей две ложки давно остывшей похлебки и отставил миску подальше.

– Еще.

– Нельзя еще. Умрешь. И говори, пожалуйста, тише.

– Почему?

– Потому что за дверью стоит обормот с ушами. Лучше вообще ничего не говори. Мычи, пускай слюну, изображай блаженную, тогда тебя, может быть, не изнасилуют. Главное, ничего не бойся. Если не выйдет, то хоть постарайся показать им, что вообще не понимаешь, что такое страх. О, придумал! Ты аутистка. Сыграть сумеешь?

– Не знаю. У меня все тело как ватное…

– Это только к лучшему.

– Дай еще. – Кристи перешла на шепот. – Что головой мотаешь? Ну хоть ложечку… Жалко тебе, что ли?

– Жалко. – Эрвин выплеснул похлебку на земляной пол. – Тебя жалко. Не хочу, чтобы ты умерла в муках. Пей воду, помогает. Вон там ее целый горшок. Хорошая вода, чистая.

– Сволочь!

– Тише… Тише…

– Где тут уборная?

– Вон там, где ямка. Это я выкопал. Иди, я отвернусь.

Каин пришел через час, и пришел не один. Вслед за ним в дом проник подросток лет пятнадцати, старательно копирующий повадки пахана. Разница была лишь в том, что лучемет Каина небрежно висел на его плече, а мальчишка первым делом навел свой пистолет на Эрвина. Верный оруженосец при харизматичном вожде, ни дать ни взять – Юст и Хайме. Только эти, пожалуй, были пожиже.

Мальчишка остался в дверях; Каин же проследовал к свободной лежанке, брезгливо сгреб с нее тряпье и сел прямо на трухлявые доски. Положил лучемет себе на колени, покрутил носом:

– До ветру попроситься не догадались? Вас бы вывели.

– Прости, мне не хотелось причинять кому-либо беспокойство, – сказал Эрвин. – Если бы вчера мне было сказано, что можно, тогда другое дело.

– Беспокойство, значит? – ухмыльнулся Каин. – Ты глянь, какой деликатный. Слышь, Шпуля, это столичная штучка. С виду покорный, гнется, а копнешь чуток – наглец. Воображает, что шибко умный, а мы тут, значит, грязь жрем и в дерьме сидим. А если я тебя заставлю сейчас дерьмо жрать, тогда как?

– Юст не заставил, а ты заставишь? – кротко спросил Эрвин.

Боковым зрением он следил за Кристи – та сидела на земляном полу, подобрав под себя ноги, и отрешенно смотрела куда-то вверх. Каин крякнул.

– Юст, значит? Расскажи-ка мне о нем.

– Их было двое.

– Начни с настоящего.

– Настоящий был убит во время рейда два с лишним года назад. Тогда многих покрошили. Он просто оказался не в том месте не в то время. Не повезло. Кто уцелел – рассеялись. Братство Волка распалось.

Каин рассмеялся:

– Оно существует.

– Значит, возродилось, – спокойно заметил Эрвин. – Ты учти, у меня сведения двухгодичной давности. Может, и сейчас какой-нибудь самозванец называет себя Юстом Полярным Волком. А тот фальшивый Юст, которого я знал, тебя тоже интересует?

– Расскажи о нем.

– Он попал в ту же партию приговоренных к «вышке», что и мы. – Эрвин кивнул в сторону Кристи. – Сильный парень. Кое-кого сумел обмануть, нас – нет. До Гнилой Мели держался неплохо, а после сошел с катушек. Завел нас в трясину. Утопил бы всех и себя тоже. Его зарезали во сне.

– Ты?

– Я просто не стал мешать. Все сделала она. – Эрвин вновь кивнул в сторону Кристи и уловил тень удивления в глазах Каина. Все шло по плану. – Не лично, конечно. Своей рукой она и муху не убьет.

– Эта слабоумная убила Юста?

– Ума у нее побольше, чем у меня, тебя, твоего братства да еще всех компьютеров Хляби в придачу. Она не блаженная, у нее аутизм. А еще она гений. Наверное, ты не слыхал об Анне-Кристине Шульц? Ну конечно нет. Не злись, о ней почти никто ничего не знает. Ну, Прай, ну, его ближайшие холуи, ну, я еще… Меня зовут Эрвин Канн. Не думаю, что ты слышал обо мне, хотя я более известен, чем она…

– Не болтай попусту, говори дело, – пробурчал Каин, и Эрвин понял: кое-какие слухи о нем дошли и сюда. Каков бы ни был мир, он всегда тесен, а по части просачивания информация успешно конкурирует с жидким гелием. Новый поправочный коэффициент упростил расчет, Эрвин справился с ним за долю секунды.

– Считается, что ближайшим советником президента Сукхадарьяна был Эрвин Канн по прозвищу Вычислитель, то есть я. Это не так. Настоящий математический гений не я, а она, Анна-Кристина Шульц. Я был переводчиком, связующим звеном между нею и президентом. Без меня она почти бесполезна, ну а я бесполезен без нее. Тоже почти, потому что кое-что и я умею…

– Да ну? – Каин иронически поднял бровь, а мальчишка по прозвищу Шпуля хохотнул в голос и тут же замолчал, уловив недовольное движение пахана. – Умеешь? Докажи.

– Я дошел до Счастливых островов. Этого мало?

– Куда ты там дошел, я не знаю. А ну-ка вели своей бабе подсчитать, сколько будет… м-м… тысяча девятьсот пятьдесят девять умножить на восемьсот девяносто два!

Эрвин фыркнул:

– Ты действительно хочешь, чтобы я потревожил ее ради такой чепухи?

– Делай, что тебе говорят, – душевно посоветовал Каин, и Эрвин не стал спорить. Присев на корточки возле Кристи, он на несколько секунд коснулся лбом ее лба. Выпрямился.

– Один миллион семьсот сорок семь тысяч четыреста двадцать восемь. Желаешь проверить?

Проверка затянулась: забыв о лучемете, Каин чертил щепкой на земляном полу цифры и подслеповато щурился, а Шпуля с благоговением смотрел на то, как пахан морщит лоб. Похоже, уже двузначные числа внушали мальчишке определенное уважение, а семизначное попросту вгоняло его в трепет. Зачем так много? Столько не бывает!

– Верно, – нехотя признал Каин, разогнувшись. – Умножать она умеет. А взять из того, что получилось, квадратный корень?

– Ты сможешь проверить результат? – осведомился Эрвин. – Ладно, как скажешь. Только это я и сам могу. Значит, так… – Приняв отрешенный вид, он замер секунд на десять. – Ну вот: тысяча триста двадцать один и девять десятых. Примерно.

– Это ты сам подсчитал?

– Проверь умножением. Говорю же: нет смысла тревожить гения ради какой-то арифметики. Для устного счета во многих случаях существуют готовые приемы. Это чепуха, каждый может научиться. Расчеты, которые приходилось делать советнику президента, – совсем другое дело! Там такие разделы математики, о каких я знаю только то, что они существуют. А уж какие чудеса она творила на болоте! Потянет, бывало, за веревку, укажет: поверни влево, а там дрянное место, топь, видишь ее, ругаешься про себя и все равно идешь. Потому что она всегда права. Кто пошел прямо, тот и пропал.

– Сказки, – бросил Каин.

– Я предупреждал тебя, что ты не поверишь. Однако гораздо лучше просчитывается не природа, а люди. Особенно поведение тех или иных групп людей. Результат, конечно, не стопроцентно достоверный. Рассчитываются вероятности, и каждый нюанс вносит поправку. Все равно безумно сложно, но для гения такая сложность приемлема. Президент был доволен. Я порой маячил за его спиной, изображая советника, а Кристи считала. О ней почти никто не знал, а она президента вообще в упор не видела. Хотя и работала на него. Она почти ничего не говорит, вся в себе, зато у меня с нею особенный контакт, вроде телепатии. Когда Сукхадарьян был в хорошем настроении, он называл меня медиумом, посредником. А иногда ее – процессором, а меня – интерфейсом. Видишь ли, мы были ценны для него только вдвоем…

Каин слушал, и этот факт параметром ложился в набор матриц, определяющих его психологический портрет. Шпуля тоже слушал, сопел носом, шевелил ушами. Наверное ему, бойкому мальчишке, родившемуся в этой деревне, отринувшему червяковую жизнь родителей и понемногу натаскиваемому Каином, никто еще не рассказывал о таких чудесах. Впрочем, чем более правда похожа на сказку, тем охотнее ей верят. До определенного предела, конечно. Тут очень важно не переборщить. Во всяком случае, о симбиозе человека и язычника следовало умолчать – это было бы уже слишком.

– Сукхадарьян все-таки совершил ошибку, – закончил Эрвин. – Вот ты сейчас не веришь мне, и он однажды не поверил, а зря. Прай сверг и убил его, а мы оказались на болоте…

– И дошли до Счастливых островов? – ухмыльнулся Каин.

– Только мы двое. Потом нам пришлось уносить ноги и оттуда.

– Почему?

– Прай злопамятен. Он слишком глуп, чтобы внушить себе, что можно использовать тех, кого ненавидишь. Его люди выследили нас. Они хорошенько прожарили наш остров. Там, наверное, даже камни расплавились. Мы вовремя ушли. На островах для нас больше не было места – нас бы снова обнаружили, это был только вопрос времени. У нас не было иного выбора, кроме как пойти к материку. Мы рискнули.

– Да ну? И опять-таки дошли?

– Ты же видишь: мы здесь. Кстати, я не поблагодарил тебя за помощь. Можешь поверить, я признателен тебе и твоему братству. Если бы патруль доставил нас по назначению, тут бы нам и конец. – Эрвин склонил голову в полупоклоне. – Я твой должник, Каин.

Пахан молчал, и это было лучше всего. Он еще ничего не решил. Он думал. Эрвин знал уже сейчас: с вероятностью не менее восьмидесяти процентов Каин не попытается сразу же сторговать пленников кому-нибудь из числа тех, кто теоретически может иметь выход на людей из окружения президента. Хороший результат.

Но восемьдесят процентов – еще не сто.

– Могу ли я спросить, – вкрадчиво продолжил Эрвин, – зачем твои люди убили патрульных? Я уже догадался, что не ради нас. Они забрались на твою территорию? Или братству просто нужно было оружие?

– А не много ли ты хочешь знать? – прищурился Каин. Прищур был жесткий, у любого человека от такого прищура по коже забегали бы мурашки, и все же иметь дело с Каином было куда проще, чем с Юстом.

– Я? – удивился Эрвин. – Я бы вообще ничего не знал: меньше знаешь – крепче спишь. Но вот ей, – последовал очередной кивок в сторону неподвижной Кристи, – желательно знать много. Чем больше данных, тем вернее расчеты. Мы у тебя в долгу, а хороший совет подчас стоит дороже миллиона кредиток. Меня, да и тебя, наверное, тоже сейчас интересует вопрос: как поведут себя военные? Пора или не пора уходить отсюда. Твои люди раздели и бросили убитых, даже не попытавшись сбросить их с обрыва язычнику. Не думаю, что это глупость, потому что ты умен. Значит, демонстративное поведение. Военные чересчур обнаглели в последнее время, хозяйничают на твоей территории, как на своей, обирают местных, так?

– Кхм.

– И ты, конечно, решил поучить их вежливости, – продолжил Эрвин. – Понимаю. Это ведь не первый случай?.. Так я и думал. Надеюсь, у тебя есть план на случай ответных действий. Ведь не думаешь же ты, что тебя оставят в покое?

– Бывало, что и оставляли, – ухмыльнулся Каин.

– Ты уверен, что так будет и на этот раз? Обнаружить вас – чисто техническая задача, накрыть – тоже не проблема. Особенно если не дорожить деревней. Убежден, что у тебя предусмотрены пути отхода. Но на открытой местности далеко не уйдешь, а пещеры нетрудно затопить газом. Хм… верю, что ты все равно вывернешься. Не знаю как, но верю. А только рано или поздно командование кордона взбесится, потребует у правительства содействия и учинит еще один масштабный рейд. Как раз такой, как два года назад. Тогда мало кто уцелел, и теперь мало кто уцелеет. Возможно, никто. О такой перспективе ты не думал? Не верю. Быть того не может. Ты не похож на того, кто думает только на день вперед…

– Исчезни, – вдруг резко сказал Каин, не поворачивая головы, отчего Эрвин не сразу понял, что приказ касается не его, а Шпули. Зато мальчишка понял вмиг и поспешно вышел, притворив за собой скрипучую дверь.

Эрвин весь обратился в почтительное внимание. А пахан долго молчал, хмурясь, чуть-чуть подергивая мышцами лица, будто страдал недолеченным тиком, и решал задачу. Кристи уставилась на свои колени и принялась тихонько раскачиваться взад-вперед, негромко мыча. Наконец Каин спросил:

– Аутизм – это что за хрень?

– Она вся в себе, – пояснил Эрвин. – Вот мы с тобой разговариваем, общаемся, а она не понимает, зачем это нужно. Слышит нас, но ей нет дела. Если ее сильно достать, начнет истерить так, что затыкай уши, а все почему? Человек тянется туда, где интереснее, а ей интереснее то, что внутри ее.

– Требуха, что ли? – гоготнул Каин. – Ладно, заткнись, я понял. Она что, может предсказать, что будет?

– В определенной степени, – осторожно ответил Эрвин. – Если данных достаточно для расчета, она рассчитает вероятность того или иного события, а я переведу ее прогноз на человеческий язык. Чем больше данных, тем легче расчет и точнее прогноз.

– Пусть рассчитает, ждать ли нам сегодня в гости вояк. Валяй, скажи ей.

Выразить всем своим видом разочарование и даже легкую обиду оказалось нетрудно.

– У нее почти совсем нет данных, – запротестовал Эрвин. – Как же так можно? И что это будет за расчет?

– Делай, я сказал!

– Как скажешь, как скажешь, – пробормотал Эрвин. – Я надеялся оказать тебе настоящую услугу, но… как скажешь.

Кристи держалась молодцом. Когда Эрвин вновь присел рядом с нею на корточки и коснулся лбом ее лба, она не прекратила покачиваться и тихонько мычать. Лишь по выступившему на лбу женщины поту Эрвин понял, как трудно ей играть роль. Пусть роль проста, зато актриса близка к обмороку.

Эрвин сохранял контакт секунд десять. Затем встал и виновато развел руками:

– Вероятность сегодняшнего визита военных – около тридцати процентов, но погрешность… Короче, вероятность лежит в пределах от десяти до пятидесяти процентов.

Каин презрительно сплюнул:

– Этак я и сам могу вычислить!

– Ты можешь чувствовать, – возразил Эрвин. – Она – вычислять. Ты получил подтверждение своему чутью, а это уже кое-что. Мало, конечно. Я по-прежнему твой должник.

Каин только хмыкнул, покидая хижину. Если Юст всегда старался оставить за собой последнее слово, веское, как удар молота по черепу, то Каин был гибче и заведомо умнее. Но даже он вряд ли мог предположить, сколько бесценной информации о себе он дал сейчас Вычислителю.

Кто-то шуршал и кряхтел за дверью – было ясно, что пленников по-прежнему стерегли, да и трудно было ожидать чего-то иного. Эрвин вернулся к Кристи, прикоснулся лбом ко лбу. Если подглядывают, то ничего нового не увидят, а шепот не слышен.

– Молодец, девочка… То, что надо.

– Я думала, умру, – шепнула Кристи.

– Теперь уже вряд ли. Ты только не расслабляйся. Кстати, все время мычать необязательно, можешь иногда бурчать неразборчиво… Начнут давить или просто грубо пнут – закати истерику. Сможешь?

– С большим удовольствием.

– Тише, тише… А насчет тридцати процентов я не выдумал. Столько и есть.

– Тридцать с погрешностью в двадцать…

– Верно, погрешность та еще. Сейчас я посплю, а ты постарайся размять мышцы. Думаю, они пригодятся. Пора тебе возвращаться к жизни. Ты даже не представляешь, на кого сейчас похожа.

– Ты всегда был отменно любезен…

– Таким и останусь. Принесут поесть – буди меня. Ну все, я сплю.

С этими словами Эрвин повалился на лежанку и уснул.

Глава 3
Библеец

Эрвин проснулся и сразу взглянул на Кристи. Та сидела на полу возле лежанки, неотрывно глядя на стену пониже мутного окошка. Сиреневый пульсирующий лишайник, разросшийся там, жил своей жизнью: то съеживался, как пугливое животное при прикосновении, то вновь распространялся по сырой стене, шевеля отростками. Медлил минуту-другую – и вновь съеживался неизвестно зачем. В его сокращениях было что-то гипнотическое.

Может быть, эта пульсация напоминала Кристи ее жизнь с чередованием взлетов и падений – Эрвин не стал вникать. Он потянулся, шумно зевнул и привлек к себе внимание.

– Еду приносили? – шепнул он.

Кристи молча подала ему щербатую миску, до половины наполненную тем же варевом, и гнутую алюминиевую ложку.

– Сама ела?

Кивок.

– Много ела. Тебе еще нельзя.

– Старалась пить только жижу. – Кристи непроизвольно сглотнула и отвернулась. Эрвин понимал ее: сам бы сейчас с пещерным удовольствием вгрызся в жареное мясо любого, хоть самого вонючего зверя. И с пещерным же урчанием. Да и невкусная похлебка казалась сокровищем. Эрвин сделал над собой могучее усилие, чтобы ограничиться тремя ложками, и убрал миску с глаз. Подальше от соблазна. Все равно мысли вертелись вокруг еды, мешая считать. Стало понятно, для чего Кристи медитирует на лишайник.

Что ж, помедитируем вместе…

Каин пришел на закате, бросил Эрвину старые линялые армейские штаны, линялую же заплатанную куртку и грубые армейские ботинки.

– Одевайся. Уходим.

Штаны оказались коротки, а ботинки малы. Эрвин жестом показал Кристи: поменяемся. Получив назад свой гардероб, Эрвин почувствовал себя гораздо лучше, да и Кристи уже не выглядела огородным пугалом. Сколько бодрости может сообщить телу несущественный пустячок – и ведь сообщает! Потому как элемент цивилизации. Обрел его – и как бы приобщился. Эрвин чувствовал себя еще слабым, но уже не такой сомнамбулой, как вчера.

Братство Каина покидало деревню. Эрвин насчитал в банде восемнадцать человек, включая Каина. Судя по всему, шли прочь от болота, а куда – неведомо. Лучше не спрашивать. Кристи вела себя образцово: то плелась молча, безразлично глядя себе под ноги, то принималась мычать сквозь нос заунывную мелодию, то прикладывала ладони к ушам, как бы защищая слух от шороха шагов, и тогда напоминала настоящую аутистку, а не просто идиотку. Эрвин держался рядом, то помогая ей перебраться через поваленное ветром дерево, то просто всячески демонстрируя готовность помочь. Каин большей частью топал позади, но иногда уходил вперед, и, пока не стемнело, Эрвин не раз ловил на себе боковым зрением его взгляд, быстрый и инстинктивно выверенный, как бросок хищника. Само собой, пахан еще ничего не решил, но ясно было также и то, что он заинтригован. Чего ж еще желать? Доверия? Слишком рано. Желаешь многого – умей ждать.

Стемнело. Одна-единственная и притом ущербная бледно-желтая луна кое-как освещала путь в редколесье. Как-то незаметно начался настоящий лес, деревья здесь были выше и стояли теснее, кроны сомкнулись над головой, а под ногами запружинила лесная подстилка, реже попадались торчащие из земли валуны, скальные плиты скрыл мох. Хотя фигуры людей превратились в неясные контуры, никто и не подумал включить фонарик.

Один раз в стороне громко зашуршало и затопало – наверное, потревоженное животное уходило с ночной лежки. Эрвин ушиб щиколотку о каменный зуб, издал змеиное шипение и захромал. Бандитов же, как видно, природа снабдила совиным зрением.

Или, что логичнее, операции по отъему у законопослушного населения разнообразных благ цивилизации снабдили их ноктовизорами.

Вскоре начался подъем на гряду, зато выбрались из леса. На востоке взошла маленькая красная луна и стала быстро догонять бледно-желтую. По гряде шли без привала до середины ночи. Эрвин хромал все сильнее, да и Кристи держалась из последних сил. Когда красная луна обогнала бледно-желтую, спустились в долину ручья и добрых полчаса шлепали по воде. Звериная хитрость, наивная на технологически развитых планетах, на Хляби, возможно, еще имела смысл. И вновь начался подъем на очередную гряду…

К рассвету Эрвину казалось, что он вот-вот умрет, и это ничуть не пугало, досадно было лишь то, что процесс умирания оказался столь затянутым. Кое-как поддерживая окончательно выбившуюся из сил Кристи, он едва тащился, поминутно чувствуя грубые тычки в спину и не имея сил ни огрызнуться, ни прибавить шагу. Он не мог даже считать. Мозг отупел, все его силы были направлены на то, чтобы удержаться на ногах, превозмогая желание упасть и не шевелиться, – удержаться и сделать еще один шаг, за ним следующий, а потом еще и еще… Для чего – он забыл. Просто знал, что это правильно, и делал очередной шаг, страдая и терпя. Ведь то, что правильно, должно быть исполнено. Кто сказал, что страдание – зло? Оно избавляет от страха перед смертью.

А потом он увидел мох, летящий в лицо, и понял, что падает ничком. Эрвин отметил приближение мха как факт, из которого ровно ничего не следует, и не удивился. Сознание наконец угасло. Тихо и спокойно, без сожалений.

Сейчас же какой-то негодяй плеснул водой в лицо. Кто-то несильно пошлепал ладонью по щекам. Шлепки можно было терпеть, но вода была холодной и до отвращения мокрой. Разве воде пристало быть мокрой? Все в этом мире не так!..

Он открыл глаза и увидел Кристи. Было зябко и темновато. Каков бы ни был тот свет, вряд ли там было бы так, как свидетельствовало зрение, а значит, жизнь продолжалась. Это было даже интересно. Сколько еще раз старуха с косой будет, подслеповато щурясь, проходить мимо?

– Как ты? – тихонько спросила Кристи. Он видел только ее силуэт. Повращал глазами и пришел к выводу, что лежит в землянке прямо на земляном полу. Стены тоже были земляными, если не считать одной скальной, перекрытие – бревенчатым. Наружу к светлому квадрату в низком потолке вели полуосыпавшиеся земляные ступени.

– Тс-с, – сказал он. – Ничего не говори.

– Они не слышат, – возразила Кристи. – Все разбрелись по норам и дрыхнут.

– И охрану для нас не выставили?

– Не знаю.

– Я бы выставил. И охрану, и дозорных на периметр.

– То ты, а то Каин…

– Все равно молчи.

Кристи надулась. «Нет, это же надо так издеваться над женщиной! – говорило ее лицо. – Сначала не дал поесть как следует, затем взялся поддерживать, чтобы не упала на ходу, и сам упал, а теперь еще не позволяет наговориться всласть! Заставил изображать больную! Да что он о себе думает?!»

А Эрвин думал о том, что Каин все-таки поверил ему – пусть не во всем, пусть лишь отчасти, но и этого пока хватит. Не поверил бы – зачем тогда приказал бы своим и без того уставшим людям тащить на себе пленников? Он поверил, во-первых, в то, что эти двое странных – не шпионы, а во-вторых, в то, что они могут быть полезны.

Полсекунды на эту мысль. Вторые полсекунды, и уже с элементами расчета, – на то, права Кристи или нет насчет отсутствия дозорных и соглядатаев. Похоже, права. В пользу этого предположения говорили мелкие нюансы, замеченные во время перехода. Юст, бывало, приказывал, не считаясь ни с чем, – Каин учитывал состояние своих людей и сложившийся в братстве баланс сил. Если чересчур согнуть палку, она сломается. В итоге Юст был зарезан, а Каин жив. Юста только боялись – Каина, как успел заметить Эрвин, боялись и уважали. Чрезмерная строгость может быть воспринята с точностью до наоборот – как неуверенность вожака в себе, а неуверенность тождественна слабости. Слабых режут, если они претендуют на место сильных.

Эрвин пришел к выводу, что банда действительно спит в полном составе. Если Каин считает эту базу надежной, так даже почти наверняка все дрыхнут. Но все равно пусть Кристи молчит…

Кристи молчала, а Эрвин, озябнув, кое-как выбрался из землянки. Мышцы ныли, но в общем было терпимо. Тоскливое сосание в желудке напомнило о временах, когда приходилось еще хуже. Однако и сейчас слабость и голод не располагали к веселью.

Не красноватой мутной кляксой, как на болоте, – аккуратным оранжевым диском зависло в небе солнце и пригревало, как порядочное. Колючие деревья с зеленой корой, раздвинув корнями камни, пытались выжать хоть сколько-нибудь пользы из скудной земли. Иные взобрались на скалу, просунув корни под мох. Эрвин присел на обломок каменной плиты. Невзрачная былинка, попав в его тень, попыталась отклониться сначала вправо, затем влево. Мелко задрожала, не найдя солнца, и покорно замерла.

Хрустнула ветка, рядом упала еще одна тень. Каин.

– Греешься?

– Не без того, – согласился Эрвин, подставив лицо солнцу. – Что у нас сейчас – весна?

– Весна.

– Оно и видно. Теплынь.

– На Счастливых островах было теплее?

– Когда как. Зимой – нет.

– А как там со жратвой?

– Сколько хочешь мяса. – Рот мгновенно наполнился слюной. Эрвин сглотнул.

– Не жалеешь, что ушел оттуда? – спросил Каин.

– Что толку жалеть? Пришлось уйти – и ушел.

– Ты говори, говори…

– О чем? – пожал плечами Эрвин и уставился на былинку. Та почему-то наливалась красным цветом. С коротким ругательством Каин растоптал растение. Былинка пищала, пыталась обвиться вокруг ботинка, но была безжалостно размазана по камням.

– Ты слепой, что ли? – напустился на Эрвина Каин. – Ложную хваталку никогда не видел?

– Нет. – На всякий случай Эрвин отодвинулся от остатков растения. – Она опасна?

– Опасна настоящая хваталка, а ложная только парализует ненадолго. Боль адская, глаза из орбит лезут, а крикнуть не можешь. Потом отпускает, но еще неделю чешешься. Откуда ты такой взялся, что простых вещей не знаешь, а?

– На болоте были другие хваталки, – объяснил Эрвин. – И растения, и грибы, и животные. А на Счастливых островах вообще ничего такого не было.

– Правда, что ли, райское место?

– Райское. Но скучное. Потому, наверное, и скучное, что райское. Тебе не подойдет.

Толчок ногой сбросил Эрвина с камня на мох.

– Смотри какой! – нехорошо осклабился Каин. – Оставили ему жизнь, а он и обнаглел. Уже решает, что мне подойдет, а что нет!

– Никому не подойдет, – спокойно сказал Эрвин. – Это я теперь точно знаю.

Он не шевелился и не торопился вставать. Каин посопел, подышал и успокоился.

– Все равно никогда не решай за меня. Усвоил?

– Конечно, Каин. Ты здесь главный, не я. Решение всегда за тобой. За нами – советы. Можешь слушать их, можешь нет, дело твое.

– Вставай.

– Один совет могу дать уже сейчас…

– Ну?

– Нет особого смысла нападать на Рупертвилль…

В ту же секунду Каин прыгнул. Эрвин был поднят одним рывком, только куртка затрещала. Силы пахану было не занимать.

– Что ты сказал? Повтори!

– Это анализ и расчет… – Эрвин задыхался. – Кристи увидела все… увидела все, что смогла здесь увидеть… и просчитала твои вероятные действия… Слушай, отпусти, а? Ну да, это я попросил ее посчитать. Я же твой должник…

Каин подышал немного и отпустил.

– Говори!

– Не знаю, права ли она на этот раз, – заторопился Эрвин, смиренно опустив перед паханом глаза, – а только знаю, что она редко ошибается… Она берет данные для расчета там, где их видит. Численность братства, примерная контролируемая площадь и население на ней, наличие природных ресурсов, ландшафт, история взаимоотношений с населением и властями – это, конечно, предположительно, – затем структура взаимоотношений внутри братства, последние активные действия, да мало ли что еще… Всякая мелочь идет в расчет и порой оказывается существенной. Ну и, конечно, общая обстановка на кордоне и прилегающих территориях…

– Не надо мне врать, – жестко ухмыльнулся Каин. – Не люблю. Еще раз соврешь – пожалеешь. Откуда она может знать обстановку на кордоне, если два года торчала на Счастливых островах да на болоте?

– Я сказал: общая обстановка, – возразил Эрвин. – Она не меняется. Разве что чудо случится… но Кристи – гений. Она уже поняла бы, что чудо случилось. Значит, его нет. Что было раньше, то и теперь. Западное побережье болота контролируют военные, юг и север – братства. По факту. На бумаге, конечно, иначе, ну да подтереться той бумагой… Просторы тут большие, земля тощая, деревни нищие, народ перебивается кое-как. Налогов с него не допросишься. У правительства никогда не было средств как следует освоить эти края, да, по правде говоря, игра и не стоит свеч. Наоборот, были проекты эвакуации населения. В этих краях не жизнь, а одно сплошное прозябание от века и навсегда. С деревенских ты много не возьмешь – они голы. Нажмешь на них сильнее привычного – они же и наведут на тебя кордонных вояк. Торговцы здесь редкость, шерстить их – малый и редкий доход, притом нельзя раздевать до нитки всех и каждого, не то торговля вообще замрет. Что остается, Каин? – На этот раз Эрвин смело взглянул пахану в глаза, но лишь на мгновение, и тут же отвел взгляд. – Только налет на Рупертвилль, а потом – залечь в нору и долго ждать, не высовываясь. А перед налетом пристрелить парочку патрульных, чтобы сбить военных с толку и заодно пополнить арсенал братства. Все равно ведь вояки вызверятся не по-детски, так что одним эпизодом больше, одним меньше – роли не играет. Ведь так?

– А почему на Рупертвилль, а не на Ойгенбург?

– Потому что так сказала Кристи. – Эрвин лихорадочно пытался поднять со дна памяти карту земель, лежащих к югу от Саргассова болота, и никак не мог вспомнить, где он находится, этот Ойгенбург. Оставалось надеяться, что этот поселок либо слишком мал для аппетитов Каина, либо расположен вне его владений.

Каин крякнул и сплюнул:

– Чересчур умная твоя баба. Что она может знать о Рупертвилле?

Угадал, подумал Эрвин. Все-таки Рупертвилль.

– Она – немногое, – признал он. – Зато я знаю. Все-таки советником президента числился я, а не она. Хорош бы я был как советник, не будучи ходячим справочником! К счастью, у меня хорошая память.

– А ты-то что знаешь о Рупертвилле?

– М-м… Поселок вокруг рудника. Около тысячи человек населения. Обогатительная фабрика. Основное производство – медный концентрат, но есть и редкие металлы, и немного золота. Концентрат вывозится сухим путем к морю, где грузится на суда. Золото… не знаю. Видишь ли, это одно из самых мелких предприятий, его доля в структуре госдоходов ничтожна. Кажется, золото накапливают и время от времени вывозят по воздуху. Раз в год, а может быть, раз в несколько лет. Прости, точнее не скажу.

– «Кажется»! – фыркнул Каин. – Ему кажется! Точнее он не скажет! Ничтожная доля! Для кого-то, может, и ничтожная, а мне в самый раз, понял? Да я туда больше трех лет не наведывался! И что твоя баба имеет против?

– Тебе решать, – отрезал Эрвин.

Каин беззвучно захохотал, обнажив желтоватые зубы.

– Это ты верно сказал… Конечно, мне. А там небось засада, да? Втянемся в бой с охраной, тут-то нас всех окружат и кончат. Это ты хорошо придумал. А если я сейчас кликну своих ребят и они для начала тебя выпотрошат? Тогда как?

– Неприятная процедура, – поморщился Эрвин. – Лично не испытывал, но верю и без опыта. Но зачем бы я стал отговаривать тебя от нападения на Рупертвилль, если там тебя ждут?

Каин долго молчал, пристально глядя на Эрвина.

– Кто тебя знает, – сказал он наконец. – Может, ты и вправду такой умник-разумник. А может, твоя баба. А может, оперативный отдел охраны кордона… Так не ждут нас в Рупертвилле?

– Не знаю.

– А твоя баба что говорит?

– Тоже не знает. Но взамен она предлагает более выгодный вариант. И более надежный.

– Ну?

– Покинуть эти места навсегда, – сказал Эрвин и вновь заметил на губах пахана улыбку, не предвещающую ничего хорошего.

– Куда же это мы уйдем? – вроде бы поддержал игру Каин. – В болото?

– Немного дальше. Кристи советует тебе захватить Сковородку.

– Чего-о?

– Сковородку. Плавучий терминал для приема контрабанды, тайно контролируемый правительством. Слыхал о ней?

Привычно-жесткое малоподвижное лицо Каина изменилось. Должно быть, он не совладал с удивлением.

– Рехнулся?

– Я тут вообще ни при чем, – напомнил Эрвин. – Это Кристи, но я ей верю. Если она говорит, что это возможно, значит, возможно.

– Да разве она что-нибудь говорит?

– Она разговаривает с теми, кто способен ее понять. Зачем ей терять время на остальных? Кстати, она хочет есть, да и я тоже.

– Потерпишь. Выкладывай все.

Эрвин вздохнул. Желудок, как будто ждал этого момента, выдал тоскливую руладу.

– Это дело только кажется сложным, – сказал он. – Какому-нибудь Юсту я бы его не предложил, а у тебя в голове хватает извилин, чтобы думать о будущем. Оставаться в этих краях – тупик, и ты это знаешь. Нельзя даже увеличить численность братства, потому что ресурсов просто не хватит на его прокорм. Можно было бы высосать этот край, выплюнуть шкурку и уйти, да куда уйдешь? Ты здесь как в ловушке. С деревенских много не сдерешь, патрульных без особой нужды не тронь, хорошая добыча – раз в несколько лет, да и то потом сиди под землей и не высовывайся. Когда-нибудь властям это надоест, и они проведут такой рейд, что от братства Каина останется только воспоминание. Потом-то, конечно, возникнет что-то новое, вернее, старое в новом обличье, еще какое-нибудь братство, только уже не твое… Не горячись, успеешь еще меня ударить… Это ведь только теория, потому что несбывшегося пока еще не существует. Но скажи, разве я не прав?

– Может, и прав, – проговорил Каин, неохотно расслабляя кулак. – А все равно придурок. Благодари судьбу, что тебя слышал только я.

– Расчеты Кристи предназначены только для тебя, зачем нам лишние уши? Если бы я покушался на твой авторитет, то был бы не придурком, а полным идиотом. Подумай о Сковородке, Каин. Ты ведь достоин лучшей участи, чем стричь нищих. Здесь ты малая величина – там оседлаешь денежный поток.

– Хотел один дурак по воде пешком прогуляться – только булькнул… Там меня прихлопнут в два счета!

– Гм, – сказал Эрвин. – А еще называешься Каином. Неужели тебе в детстве не читали Библию? Я думал, ты лучше знаешь Ветхий Завет…

– Еще раз схамишь – кишки на дерево намотаю, – посулил Каин.

– «И пришли Амаликитяне и воевали с Израильтянами в Рефидиме, – процитировал Эрвин. – И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча. И сказал Господь Моисею: напиши сие для памяти в книгу и внуши Иисусу, что Я совершенно изглажу память Амаликитян из поднебесной. И устроил Моисей жертвенник и нарек ему имя: Иегова Нисси…» Ничего не напоминает? По-моему, ситуация один в один.

Каин молчал, но смотрел на Эрвина так: слова насчет кишок, пожалуй, следовало принять всерьез. Эрвин сократил задуманную паузу.

– Все просто. Где было дело? На Земле, а в ее пределах – на Синае. Оторвавшись от фараоновых войск, евреи, ведомые Моисеем, вступили на пустынный и большей частью безжизненный полуостров. Воды мало, еды нет совсем. Ладно, наелись один раз манны небесной, побрели дальше. И тут выяснили, что на Синае живет целое племя, и племя драчливое, не желающее пускать к себе всяких бродяг. А чем оно живет? Манной? Вот уж вряд ли: Господь приберег ее для избранного народа. В Библии ответа нет, там вообще пустовато насчет экономики. Ответ дает старая добрая земная география: на Синае находятся месторождения меди. То есть находились в то время… Залегание мелкое, а руда богатая, бери да выплавляй в примитивных печах. Нужен только древесный уголь. Вот и причина выживания в пустыне этих самых детей Амалика: в обмен на медь египетские власти снабжали их углем и всем, что душа пожелает. Лично я подозреваю, что Моисею это было хорошо известно, так что Исход – обыкновенная пропаганда. Захват это был, а не исход. Самый натуральный захват. Одна толпа бродяг перебила другую и вместо нее села на ресурс. На активно используемый ресурс, то есть на тот же денежный поток. Заметь – сидела сорок лет! Тут главное не наглеть и дать фараону то, что ему нужно. Медь? Получай. На прежних условиях. Ну какая разница фараону, кто там горбатится на него вокруг сыродутных печей в какой-то пустыне! Для него-то, по сути, ничего не изменилось. И Египет был могуществен, и правитель на троне был серьезный, а не последовало никаких карательных экспедиций…

На этот раз Эрвин выдержал долгую паузу, чтобы информация лучше впиталась в мозговое вещество Каина. Затем пробормотал как бы между прочим:

– А ты говоришь – прихлопнут…

Помолчал и добавил:

– Я потому и удивился, что ты не попытался завладеть флаером.

Помолчал и Каин. Затем достал из-за пазухи завернутый в лопух кусок лепешки со шматом жареного мяса и протянул Эрвину.

– Ешь.

Глава 4
Набег

Рупертвилль был атакован на рассвете. Серые, присыпанные вечно витающей в воздухе пылью приземистые корпуса обогатительной фабрики, закопченная дымовая труба, сотни две стандартных домишек, вытянутых в две нитки вдоль дороги, таких же серых, как промышленные корпуса, копер над шахтой, развороченные техникой пустоши, искалеченные умирающие деревья, – все это при бросающемся в глаза убожестве казалось родным и близким. Туда хотелось. Там было свое, человеческое. Голодный обрадуется и мякине, а обитатель болота прослезится от счастья, узрев пустую консервную банку. Этот прозябающий в узкой долине на краю света поселок был дырой и с похвальной скромностью не пытался стать чем-то иным. Но он был кусочком человеческого мира.

Самое главное помещалось на огороженной бетонированной площадке возле административного корпуса – тоже невзрачного на вид сооружения, но все же с претензией на некую элитарность. Так оборванец мог бы хвастаться своими лохмотьями перед совсем голыми. На площадке помещалось не что-нибудь, а грузопассажирский флаер типа «летающий вагон» – гражданская модель, переделанная из десантной посудины, но с сохраненной из-за местной специфики турельной установкой в носовой части. Ни на улицах поселка, ни на бетоне возле лежащего на брюхе флаера, ни между серыми корпусами никого не наблюдалось. Было тихо.

– Спят, – ежась от утренней прохлады, почти равнодушно сказала Кристи. – Они там все спят. Ни о чем не догадываются…

– Кое-кто догадывается, – возразил Эрвин. – Не думаешь же ты, что у Каина в поселке нет информаторов. Он рассчитывает на хорошую поживу. Что до обывателей, то это не их дело – догадываться. Рабочим и их семьям вообще ничего не грозит, если только не сунутся сдуру куда не надо. Но они ученые, они не сунутся. Отсидятся по домам, вот увидишь. А ночная смена вообще в шахте.

Кристи не ответила. Стоя рядом с Эрвином на склоне каменистого холма, она старательно вглядывалась в подступы к поселку. Эрвин был занят тем же, но не видел людей Каина. Банда, называющая себя братством, выдвигалась скрытно – ни дать ни взять хорошо обученное армейское подразделение.

Шло время.

– Почему Каин тебе поверил? – спросила вдруг Кристи.

– Четыре.

– Что четыре?

– Четыре причины, – объяснил Эрвин. – Первая: а куда мы денемся? Стоим и не бежим, караула не надо. Ты хочешь пуститься в бега? Я что-то не жажду. Уйти проблематично: Каин знает местность, а мы нет. Второе: позавчера, когда мы уходили из деревни, с людьми Каина не было Шпули, а вчера он уже был. Вопрос: откуда он взялся и зачем? Ответ ясен: остался посмотреть, что и как, а потом прибежал сообщить Каину, что в деревню нагрянули солдаты. А я ему это предсказывал. Значит, доверие к нам растет. Третье: нам с тобой нужен грузовой флаер, вон он стоит. Значит, нет смысла убегать. И четвертая причина: я от твоего имени не советовал Каину нападать на Рупертвилль…

– Насчет четвертой не поняла.

– Имел резон не советовать. Знал, конечно, что он все равно нападет. И себя потешит, и контору ограбит. А главное – захватит флаер. Где бы еще он его достал? У военных? Патрульный флаер мал, а этот – вон какой слон. Я не советовал Каину нападать на поселок как раз для того, чтобы он поступил в точности наоборот. Теперь Каин будет считать, что кое

в чем превосходит нас, а это хорошо. Чем меньше его комплекс неполноценности, тем нам безопаснее.

– Вычислитель! – фыркнула Кристи.

– Ну конечно, – серьезно ответил Эрвин. – Ты только играть не забывай. До поры до времени ты – аутистка.

– Наедине с тобой мне тоже надо играть?

– Как хочешь. Но я бы на твоем месте не выходил из образа.

– Не хочу!

– Ладно, – согласился Эрвин. – Тебе виднее.

– А что потом? – спросила Кристи. – Ну, захватит Каин эту самую Сковородку, ты ему в этом поможешь… а дальше?

– Ты сможешь вернуться на Твердь. Соскучилась ведь по родной планете?

– А ты? Мы улетим вместе?

– Там будет видно.

– Неужели ты этого не просчитал?

– Нет, – сказал Эрвин. – А зачем?

– Ну… я думала, ты заранее рассчитываешь все, что только можно рассчитать, и чем дальше вперед, тем лучше…

– Ага. Вот перебьют в поселке всю эту банду или флаер успеет взлететь – кому тогда будут нужны мои расчеты? Гораздо полезнее рассчитать, что нам делать, если Каин вернется с потерями, без флаера и злой как черт.

– Так считай, что же ты стоишь?

– Уже.

– Бежать?

– Мы еще слабы, далеко не уйдем. Нет, мне тогда придется поговорить с Каином. Может, он мне зубы выбьет, но прав-то я, а не он. Кто ему не советовал нападать на Руперт-вилль?.. Ага, вот они.

– Где?

– Левее вон того барака, что стоит к нам углом. За кустами прячутся.

– Я их не вижу.

– Я уже тоже. Хорошо идут, тихо. Думаю, это отвлекающая группа. Там всего четверо или пятеро. Они первыми поднимут шум.

– А сколько всего групп?

– Отвлекающая и основная, больше не надо. У Каина не хватит бойцов на сложные тактические схемы – это первое. Второе – выучка. Рядовых кордонной службы учат по максимуму использовать простое, а не изобретать сложное.

– При чем тут кордонная служба?

– При том, что Каин – дезертир. Не знаю, что ему грозило и за какое преступление, а только он предпочел дать тягу. Лет пять-шесть назад, я думаю.

– Ты иногда думаешь? – уколола Кристи. – Просто удивительно. Я была уверена, что ты только считаешь.

– Очень часто это одно и то же. А теперь помолчи.

Сказано было так, что Кристи не решилась перечить. Таким голосом Эрвин командовал, когда шел по болоту. Невыполнение команды грозило смертью, выполнение давало надежду. Положиться на мужчину – что может быть естественнее для женщины? Но этот мужчина был до мигрени непонятен. А Эрвин крутил головой, то придирчиво оглядывая стеснившие поселок холмы, то пытаясь разобрать, что происходит в самом поселке. На взгляд Кристи, ничего там не происходило. Под трубой, монотонно извергающей ядовитый

дым, мирно спал поселок. Лишь гудел и порой лязгал элеватор, выбрасывающий руду из недр Хляби, и клубилась над ним зеленоватая пыль.

– Сейчас начнется, – сказал наконец Эрвин. – Ты можешь бегать?

– Не знаю. А что?

– Возможно, придется. Если братство не перебьет охрану и не завладеет флаером, ему придется уносить ноги пешком. И нам тоже. Будет облава.

– Я попытаюсь, – слабо улыбнулась Кристи.

– Не дрожи. По-моему, Каин свое дело знает. Полетим с комфортом.

– А он подберет нас?

– С вероятностью свыше девяноста процентов – да.

– Зачем ему мы?

– Интересно. Такой игрушки у него еще не было. Плюс намечающаяся перспектива.

– А если…

Кристи не договорила. Между серыми корпусами обогатительной фабрики вспыхнуло раз, другой, и вдруг, разом и окончательно придавив поселок к земле, повис в воздухе надсадный вой сирены. Еще и еще сверкали вспышки, мелькали и гасли короткие нити лучей, суетились, перебегали с места на место маленькие, как букашки, человеческие фигурки. Что-то вспыхнуло и бурно загорелось, корпуса заволокло дымом. Ничего нельзя было разобрать. Сквозь вой сирены донесся тяжелый грохот взрыва, и неясно было, что там взорвалось, но дым из бурого стал черным и повалил гуще. Снова вспышки и метания лучей – уже в другой части фабрики… Еще взрыв… Сноп искр… В дыму и хаосе кипела хорошая драка, а проснувшийся поселок делал вид, что спит, впал в летаргию, в кому, во что угодно, и какое ему дело до того, чье имущество скоро перейдет – или не перейдет – в другие руки? И давил, давил сверху, заставляя втягивать голову в плечи, заунывный вой…

Он смолк как раз тогда, когда уже казалось, что к нему можно притерпеться, как к этой скудной планете, чья скудость не мешает людям рвать друг другу глотки в драке за деньги и власть. Смолк – и ударила по ушам тишина. Эрвин даже поковырял в ухе.

– Страшно… – выдохнула Кристи.

– Не страшнее, чем идти по болоту, – возразил Эрвин.

– Там не то… Там другой страх. Ты хоть понимаешь, что бывает страх не за себя?

– Конечно. Бывает еще страх за свое дело. В умеренных дозах он даже полезен.

– Я не о том!

– Я понимаю, о чем ты. О страхе жить среди людей, потому что они не такие, как ты, и не соответствуют твоим представлениям о том, каким должен быть человек и какими должны быть отношения между людьми. Такой страх вреден, он может убить. Рыба не должна бояться воды. Тебе страшно? Ну, выпрыгни на берег и умри. О тебе скажут: глупая рыбка, ей вообще не следовало жить.

– Зато о тебе скажут: ай да умница рыбка, всегда находила самую лучшую пищу, виртуозно ускользала от хищников и не мечтала о невозможном!

– А еще управляла стаей, прикрываясь доверчивыми сородичами, подставляла хищникам их бока вместо своих… Что же ты об этом не вспомнила? – Эрвин с любопытством взглянул Кристи в глаза. – Молчишь? Правильно, молчишь – что тут еще можно сказать? Я такой, каков есть, уж не знаю, повезло тебе или нет. Но если бы я был другим, ты уже давно была бы мертва. Это не хвастовство, а просто факт. Есть реальный мир, и я в нем живу. Мир фантазий – просто яркая обманка вроде блесны для той рыбки. В реальном мире человек – это животное, какое воспитание ему ни дай. Печально? Наверное, да, но лучше не грустить из-за обстоятельств, которые ты не в силах изменить. Вода всегда останется мокрой, молния – электрическим разрядом, а человек – животным, в какие тайны бытия он бы ни проник и сколько бы планет ни освоил.

– Я устала, – сказала Кристи. – Я как та рыбка… готова выпрыгнуть на берег.

– Нет, не готова.

– Почему?

– Потому что от возвращения на родную планету тебя отделяет всего несколько шагов, – твердо сказал Эрвин. – А еще потому, что ты уже показала, что умеешь бороться. Помнишь Марию? Ты – не она. Ты сильная. Тебе надо жить, ты уже десять раз заслужила это право.

– Право быть животным среди животных?

– А хоть бы и так.

Кристи помолчала. Откуда-то налетел ветер, растрепал дым, утопил в нем поселок, погнал пыль на холмы. Солнце то ли взошло, то ли нет – не разобрать. Эрвин поежился и поднял воротник куртки. Кристи заморгала – в глаз попала соринка.

– Будет шторм, – сказал Эрвин. – Один из последних весенних штормов. Примерно такой же, какой был у нас тогда, после полыньи. Помнишь?

Кристи кивнула:

– Тогда с нами еще был Джоб.

Да-да, Джоб… Нет, подумал Эрвин, все-таки у большинства женщин истинный талант говорить некстати! Ну вот зачем нужно было сейчас вспоминать о Джобе, об этом терпеливом, бессловесном и неприспособленном пожилом человеке? Он пережил ураган и умер на следующий день. А мог бы умереть неделей раньше или днем позже. Какая разница? Он ведь понимал, что не дойдет до Счастливых островов. Не исключено, что он понимал и свою роль пешки на шахматной доске – и все равно послушно шел и делал то, что ему велят. Не было никаких сил, а он все равно шел…

И что – спасся бы? Никогда. Не бывает таких чудес. Зачем же вспоминать о том, чего нельзя было изменить тогда и что подавно не изменить сейчас? Какой толк от этих воспоминаний? Мешают жить. Запереть их на задвижку в самом дальнем уголке памяти и никогда туда не наведываться. Не смотри назад, смотри вперед. Сможешь? А если нет, то почему не учишься?!

Никогда она не выучится…

– Шторм нам на руку, – сказал Эрвин, чтобы помешать Кристи развить тему. – Стихия – помощник убегающих.

– Ты говорил о Тверди, – словно бы не расслышала Кристи. – Ты в самом деле хочешь, чтобы я вернулась домой?

– Если ты этого хочешь. А разве нет?

– Хочу, конечно. – Кристи улыбнулась, что-то вспоминая. – Там… там хорошо. А что будешь делать ты?

– Где?

– Ну… вообще. Это ты мне скажи – где.

– Ты хочешь, чтобы я полетел с тобой на Твердь, – утвердительно сказал Эрвин. – Не знаю. Может быть. Собственно, почему бы и нет? Один вопрос: что я там буду делать?

– С твоим талантом…

– Вот именно. С ним я нигде не пропаду. Твердь – благополучная, но не самая важная планета Лиги. Ничего не определяющий середнячок. Не самая лучшая площадка для того, чтобы начать все заново.

– На любой площадке можно принести пользу! На Тверди ты мог бы выдвинуться…

– Да, но стоит ли назначать животное директором зоопарка?

– Ты не животное!

– Ошибаешься. Просто я осмотрительное животное. Умею и люблю считать, ничего больше.

Новый порыв ветра закрутил и швырнул в лицо пыль. Теперь заморгал и Эрвин. Кристи повернулась к ветру спиной.

– Я тебя не понимаю, – прокричала она. – Если можешь принести пользу, то почему не сделать это? К тому же за достойное вознаграждение.

Шквал побесновался еще немного и стих. Эрвин ухмыльнулся.

– Я приносил пользу при Сукхадарьяне. Вознаграждение… ты видела, каким оно было.

– Это исключение!

– А то как же. На одной лишь Хляби высшая мера наказания означает изгнание в болото, откуда не возвращаются. Это местная специфика. Кое-где практикуют смертную казнь, а на большинстве планет Лиги – пожизненную каторгу или пожизненное же заключение в четырех стенах. Знаешь, я все-таки предпочитаю болото.

– Тебе просто не повезло…

– Сядь.

– Что?

– Сядь на землю и потихоньку мычи. Закрой уши от шума. Ты аутистка.

Кристи поняла. Села и даже не оглянулась посмотреть на вылетающий из дыма грузовой флаер. А флаера пока что не было – Эрвин просто не хотел продолжать неприятный разговор. Женщины так устроены, что всегда чего-то хотят от тех мужчин, которых – часто без оснований – считают своими. Устройся на хорошую службу, будь благопристоен и уважаем, делай карьеру, приноси людям пользу, а семье доход… Все просто и понятно. Стабильно. Надежно. Скучно. Рекомендовано социологами и биологически обосновано.

Почти такая же, только без женщины, жизнь была на Счастливых островах. Сытая, спокойная, надежная, сводящая с ума…

Это – жизнь??!

Но ведь ее ведут многие, а те, кому она недоступна, мечтают о ней. И мама стремилась к такой жизни, и отец… В конце концов, разве он сам, Эрвин Канн, не делал то же самое с поправкой на свою уникальность? Существенна ли здесь эта поправка?

То-то же.

Бывают такие мысли, что хуже дупла в зубе, – сами собой нипочем не проходят, пока не выгонишь их прочь. Некоторое время Эрвин надеялся, что вот сейчас, именно сейчас, взвихрив дымные струи на манер рукавов галактики, в чистый воздух выплывет тупой нос грузового флаера, и тогда можно будет отбросить половину расчетов, сделанных на всякий пожарный случай, и занять мозги чем-нибудь поинтереснее. Но «летающий вагон» все не показывался и не показывался. Долго копаются… Еще Эрвин думал о том, где тут у Каина поблизости убежище, какая-нибудь сквозная нора под скалами, – далеко ли? И еще о мальчишке по прозвищу Шпуля, взятом Каином в бой вроде бы для того, чтобы натаскать и накрепко привязать к себе мальца, – так думает малец, еще не зная, что привязывают не боем… И о надвигающемся шторме…

А потом – Кристи еще не успела потерять терпение – из дыма и впрямь выплыл «летающий вагон», выплыл величаво, как кит, и начал быстро приближаться. Снизился, сбросил скорость, грузно вильнул, едва не зацепив торчащий валун, и завис, покачиваясь, в полуметре от почвы. Отъехала в сторону боковая дверь, и Каин, потный и закопченный, как черт из преисподней, призывно махнул Эрвину рукой: бери, мол, свою бабу, и залезай. Да не копайся! Быстро, быстро, уносим ноги…

Глава 5
На мели

В чреве грузового флаера было душно, воняло дымом, человеческим потом и немного медикаментами. Один из бойцов был задет лучом в бок, его придерживали в сидячем положении и обрабатывали страшную горелую рану заживляющим гелем из распотрошенной аптечки. Раненый скрипел и корчился, пока ему не вкололи обезболивающего. Тогда он обмяк и ровно задышал. Кристи с самого начала забилась в угол и прижала ладони к ушам – умница! Впрочем, никто не обращал на нее внимания. Потряхивало, и временами довольно сильно. Бойцы Каина, всклокоченные, оскаленные, с диким блеском в глазах, какой бывает у победителей, только что вынутых из боя, все еще тяжело дышали. Те, кому не хватило штатных сидячих мест, расположились просто на полу, стараясь покрепче вцепиться во что-нибудь. Золотые слитки валялись на полу, как кирпичи, их просто побросали, не потрудившись собрать в контейнер. Кто управлял «летающим вагоном», случалось ли ему прежде пилотировать такой аппарат и есть ли у него опыт пилотирования вообще чего-нибудь летающего, Эрвин не знал и не стал интересоваться – все равно лучше не станет. Но в пилотской кабине сидел не Каин, а кто-то другой. Каин был здесь, рядом с Эрвином. С той разницей, что пахан занимал одно из штатных сидений, в то время как Эрвин устроился на полу.

– А ведь выгорело дельце! – с веселым удивлением сказал кто-то. Другой коротко хохотнул, третий вздохнул, покачал головой и тоже гыгыкнул. Кто-то звучно выпустил из кишечника воздух, кого-то беззлобно пнули и снова засмеялись.

– Для Клеща точно выгорело, – зло сказали сзади. – Нам везуха, а он там остался… горелый. Как вспыхнет факелом – и голова покатилась. Катится и горит, катится и горит…

– Кому везуха, а кому нет. Судьба, – со вздохом ответил некто рассудительный. – Знал, на что шел.

– Так-то оно так, а жаль Клеща…

– Мне, что ли, не жаль? А только тут ничего не поделаешь. Дармовой фарт только в сказках бывает.

– А малец-то ничего, а? Слышь, Шпуля! Ты как?

– Как все, – ответил мальчишка и вызывающе шмыгнул. Глаза его горели волчьим блеском.

– Ну и молоток!

– В баньку бы сейчас… – помечтал кто-то. – И бабу.

– Да вот она, баба.

– Тю! Психованная.

– А мозги для этого дела только помеха…

Сильно затрясло – как видно, налетел еще один шквал. Каин чутко отреагировал на него и, когда тряска кончилась, сказал негромко, но так, что услышали все:

– Кто тут думает, что мои приказы недорого стоят? Ты?

Названный отчаянно замотал головой:

– Ты что, Каин? Как можно? Я так… шутейно насчет бабы.

– Тогда закройся. А то я ведь тоже могу пошутить. Тебе не понравится. – Под взглядом Каина здоровенный, вооруженный лучеметом детина беспокойно заерзал и стал как-то меньше в объеме. – Веришь? Вижу, что веришь… Ты! – Кивок в сторону Эрвина. – Иди сюда. А ты освободи ему место, нам тут потолковать надо…

Сосед пахана безропотно уступил Эрвину сиденье. Заняв его, Эрвин первым делом пристегнулся. Каин только хмыкнул.

– Ты хотел флаер? Вот он. Теперь рассказывай про Сковородку. Как ее найти?

– По пеленгу. Я хочу знать, сколько у нас топлива.

– До хрена.

– Гм… нельзя ли поточнее?

– Ты меня за лопуха-то не держи, – презрительно сказал Каин. – Мы тут тоже кое-что знаем. Сковородка дрейфует в океане по кругу. Будь она даже в самой дальней его части, мы все равно ее достанем.

– А на обратный путь горючего может и не хватить, – сказал Эрвин.

Он знал, что не хватит. Полгода назад, когда Эрвина доставили на Сковородку, она дрейфовала неподалеку от материка. Значит, сейчас она далеко. Сообщать об этом Каину, разумеется, не следовало бы: он непременно захотел бы выяснить, откуда у человека, два года прожившего отшельником, такие сведения. Циркуляция океанических течений не отличается точностью часовой стрелки.

– Ты это к чему? – прищурился Каин.

– Твои люди должны знать, на что идем. Тех, кому хватит этого, – Эрвин кивком указал на золотые бруски, – лучше сразу высадить, пусть уходят. Они не захотят рисковать снова. Такие не нужны.

– Эй, слышите! – крикнул Каин. – Вот тут один умник говорит, что среди вас нет готовых еще раз рискнуть. А? Что скажете? Может, он прав?

Взрыв грубого хохота покрыл его слова. Послышались шуточки и пожелания в адрес «умника». Каин с довольным видом посмотрел на Эрвина.

– Ну?

– Тем лучше…

«Летающий вагон» снова тряхнуло, на этот раз сильнее. Кто-то на кого-то навалился, кто-то смачно выругался. Рывком сдвинулись золотые слитки.

– А все-таки хорошо, что у нас будет промежуточная посадка, – закончил мысль Эрвин. – Пусть твои ребята еще подумают.

– Посадка? – нахмурился Каин. – Почему?

– По метеоусловиям. Ты знаешь, что такое шторм над материком, а я знаю, что такое шторм над болотом. Это настоящий ураган. Боюсь, что на таком сундуке, да еще перегруженном, нам его не одолеть. Обойти шторм стороной мы тоже не успеваем. Надо где-то сесть и переждать.

– Твоя баба это подсчитала?

– Тут и считать-то нечего, – презрительно сказал Эрвин. – И так ясно.

– Допустим. А чем плохи Счастливые острова? Доберемся до ближайшего…

– Неразумно. Шторм идет со стороны океана, возле Счастливых островов он будет раньше нас. Материковый берег небезопасен, там нас могут обнаружить. Такой сундук, как у нас, не замаскируешь. Малые армейские флаеры способны летать и в ураган, они прочешут местность… Что ты знаешь о Гнилой мели?

– Слыхал кое-что… Дерьмовое место.

– Ты даже не представляешь себе насколько. Зато на Гнилой мели нас станут искать в последнюю очередь. И сейчас мы ближе к ней, чем к островам.

– Ну?

– Ничего не «ну». Я высказал свое мнение, а решать тебе.

– Это понятно… – Каин пребывал в задумчивости. Новый удар шквала, не столь мощный, как предыдущий, но все же качнувший флаер, кажется, подействовал на него лучше аргументов Эрвина. – Ладно. Расскажи мне о Гнилой мели…

Через десять минут Каин уже произносил перед братством своего имени краткую энергичную речь, а Эрвин, ступая по ногам, получая тычки и даже не думая огрызаться, кое-как перебрался в пилотскую кабину. Место второго пилота оказалось свободно, а слева от него

сидел молодой белобрысый парень с длинными слипшимися патлами, чумазый, как все, и обильно потеющий. С первого взгляда можно было сказать, что в воздухе он не совсем новичок, но «летающим вагоном» управляет впервые. На Эрвина он взглянул с надеждой.

– Давай курс…

– Пока на север. – Эрвин постарался принять самый беззаботный вид. – Строго на север, и держи крейсерскую скорость, мы пока ни от кого не удираем. Какая высота?

– Пятьсот метров.

– Так и держи. Потом повернешь на запад. Я скажу, когда.

Сунув руки в карманы, он принялся тихонько насвистывать: ничего, мол, все путем, все идет как надо. Парень провел по лицу ладонью и стряхнул с руки грязный пот. Полной уверенности он не обрел, но излишне нервничать перестал, а чего же еще желать? Бравады и шапкозакидательства тоже не нужно. Пусть катастрофы по психологическим причинам происходят где угодно, но не здесь и не сейчас. Отчего случаются нервные подергивания и глупые решения? От страха. В полете только один страх: страх смерти. Ну и чего же ты, спрашивается, мечешься и накручиваешь себя, садовая твоя голова? Ты настолько глуп, что хочешь выбрать смерть вследствие страха смерти? Ах, все-таки не хочешь? Тогда, будь добр, возьми в кулак свои эмоции, или что там у тебя, и не позволяй им шарахаться из стороны в сторону. Держи их в рабочем коридоре. А если тебе нужна иллюзия, что тебе помогут в случае чего, а может быть, даже подменят, ну на, получи эту иллюзию, отдам бесплатно, мне не жалко…

Кажется, флаер и впрямь пошел ровнее. Под его брюхом тянулось Саргассово болото, и глядеть на него с высоты было почти так же тошно, как пробираться по нему. Разве что безопаснее. Эрвин порадовался тому, что из своего угла Кристи не видит этой громадной болячки на теле планеты, гнойной язвы, покрытой коростой зыбуна. Ничего она не боялась, эта язва, не было на нее врача, она разлеглась на сотни километров, гнилая и самодовольная, могучая и бессмысленная, алчная и равнодушная, и хотелось ей только одного: быть.

На несколько секунд из бегущих облаков выглянуло оранжевое солнце. Стайка крылатых тварей, спешащая куда-то гораздо ниже флаера, шарахнулась от его тени. Далеко на севере взвились над болотом щупальца сразу двух язычников, согнулись под ударом очередного шквала и сразу убрались под зыбун. «Летающий вагон» получил такой удар ветра, что едва не завалился на левый бок. Из грузового отсека донеслись грохот и ругательства. Небо на востоке померкло, затянутое непроглядным серым месивом. Ураган был близок.

– Прибавь тягу, – сквозь зубы приказал Эрвин пилоту.

Тот подчинился, а Эрвин принялся разбираться с индикацией. Дело оказалось несложным, почти все нужные параметры выводились на экран по умолчанию. Кажется, все было в порядке, компьютер не жаловался. Не хватало еще какой-нибудь неисправности, чтобы флаер плюхнулся в болото… На один миг Эрвин представил себя, ведущего по болоту Каина с его людьми, и изгнал из головы эту картину, прежде чем его затошнило. И занять себя было нечем. Молиться? Хорошее занятие, но лишь для того, кто верит в действенность молитв…

Новый шквал, сильнее прежних, отвесил флаеру такую плюху, что тяжелая машина крутанулась волчком. В грузовом отсеке катались золотые слитки и люди. Пилот с трудом выровнял машину и бросил на Эрвина умоляющий взгляд – сальные патлы растрепанной метлой, пот грязными ручьями, рот нараспашку, как у утопленника. Эрвин подмигнул ему и ухмыльнулся.

– Не дрейфь, бывает хуже. Держи направление.

Целых десять минут не было новых шквалов, зато белесый восток налился зловещим свинцом. Внизу проплывали мелкие, быстро гонимые ветром клочья облаков, а между ними – огромный участок сплошных топей, очень похожий на тот, куда два года назад едва не завел группу Юст… Но не тот. Тот был западнее большой полыньи, а этот восточнее. Хотя,

возможно, это одно и то же, если зоны топей окружают полынью с юга… Как проверишь, если отключена спутниковая навигация? И не просто отключена, а выдрана с корнем, вон они болтаются, провода… Это Каин правильно сделал, так флаер не смогут засечь с орбиты, но что тогда остается для навигации? Только пеленги на известные радиомаяки да память.

Не так уж мало.

– Снижайся до ста метров.

Пилот дико посмотрел на Эрвина, но послушался. Теперь клочья облаков почти не мешали видеть поверхность болота. Хм, та все-таки топь или не та?.. Если та, то уже можно поворачивать на запад, а если нет? Вот будет номер проскочить мимо Гнилой мели…

Глупая мысль. Не будет никаких номеров.

– Держись на этой высоте, – велел Эрвин. – Ложись на курс двести девяносто. Тягу на максимум.

Нет ничего лучше уверенного голоса и четкого приказа. Эрвин ободряюще кивнул: давай-давай. Мягкими движениями пальцев он опробовал, как ходит лучемет в носовой турели. Нормально, и прицел удобный. На всякий случай Эрвин снял оружие с предохранителя. Не хватало еще, чтобы перед носом флаера из топи вылезло лиловое щупальце стометровой высоты, а такие бывают…

На восток было страшно смотреть. Горизонт исчез, а тяжелый свинец надвинулся, навис и норовил включить в себя всю вселенную. Он очень спешил, но теперь ветер помогал и флаеру.

– Успеем, – вслух сказал Эрвин. Он не мог достаточно точно подсчитать вероятность успеха, и это его злило. Унизительно быть настолько зависимым от стихии! Очень трудно ждать, будучи бессильным что-либо изменить. Гораздо труднее, чем сохранять видимость спокойствия.

В кабину просунулся Каин.

– Эй, умник! Точно успеем? Тут кое-кто нервничает.

– Конечно, успеем, – уверенным голосом сказал Эрвин. – Успокой людей.

Каин скрылся. Некоторое время до слуха Эрвина доносился его приглушенный рык – пахан восстанавливал дисциплину. Гнилой мели все еще не было видно, зато осталась позади зона гиблых топей, под брюхом «летающего вагона» стремительно неслась буро-зеленая кочковатая поверхность нормального, условно проходимого болота, а впереди смутно замаячило что-то иное… нет, еще не Гнилая мель. Пока что полынья. Та самая, которую четверым осужденным однажды пришлось переплывать на расползающемся под ногами плавучем острове, ловя ночной бриз и потихоньку умирая от голода… Даже издали темная поверхность воды смахивала на гофрированный металл, а вблизи стала видна мелкая рябь, сидящая на спинах солидно катящихся валов. В глубокой впадине между волнами мелькнул на мгновение костистый плавник какой-то твари и исчез.

Теперь Эрвин знал, что курс верен. Неплохо было бы снизиться метров до десяти, максимум двадцати, чтобы наверняка уйти с экранов радаров, – пусть не было два года назад на берегах Саргассова болота никаких радиолокационных станций слежения, но ведь существуют и бортовые локаторы. Держаться на этой высоте – риск… Но идти на бреющем с таким пилотом – еще больший риск. Вот так и приходится вечно выбирать просто плохой вариант из числа совсем плохих…

– Ага. – Эрвин указал на темную полосу далеко впереди. – Вон она.

– Гнилая мель? – с надеждой осведомился пилот.

– Очень гнилая… Там море тростника и полно грязи, но кое-где есть песчаные косы и островки. Найди такой островок и садись на него кормой к ветру. Скоро отдохнешь.

Новый шквал, несильный, мягко подтолкнул флаер в корму, как будто пытаясь помочь, и сейчас же откуда-то справа налетел и ударил другой, куда мощнее предыдущих. Словно

громадная жесткая ладонь с размаху отвесила чудовищную плюху. «Летающий вагон» повалился набок и закрутился вокруг оси. В грузовом отсеке катались, бились о стены предметы и люди, первые с грохотом, вторые с воплями. Пилот навалился на Эрвина и заверещал не своим голосом. Крики, удары, треск каркаса…

Эрвин наотмашь хлестнул пилота по лицу:

– Соберись, урод! Зенки вырву!

Как же хорошо действует вовремя сказанное доброе слово! Несколько секунд – и нет шквала, пронесся и полетел искать, кому еще влепить плюху, а пилот успел собраться, был наготове – и выровнял, выровнял судно! Потерял немного высоты, но это не страшно. Главное, «летающий вагон» не развалился в воздухе и не рухнул в полынью, антиграв не отказал, движки тянули, система управления действовала. Чего ж еще?

Кристи…

Не надо было сейчас думать о том, каково ей пришлось. Но думалось.

В кабину вновь просунулась голова Каина – бешеные глаза, оскаленная пасть, свежая ссадина на скуле.

– Еще раз устроишь такое, твою мать, на куски порежу!

Сказано было почему-то Эрвину. Неудивительно: инициатор всегда за все в ответе.

– Что, страшно? – Уместнее всего тут было осклабиться, и Эрвин осклабился. – А я тебя предупреждал. Это даже еще не ураган, а так, предвестники. Не боись, сядем как надо. Скоро уже. Корпус цел?

– Корпус-то цел пока… Ну ты и отморозок!

– Потому и жив до сих пор, – спокойно ответил Эрвин, и Каин убрался. Полоска Гнилой мели быстро приближалась. Вот тут, по краю полыньи мы шли, говорил себе Эрвин, а переправлялись через полынью не здесь, а севернее… Вспомнилось, как не было пищи, даже болотных головастиков, и голод хватал за горло, а вернуться на Гнилую мель означало стать дичью и чьим-то обедом. То ли дело теперь! Нечего и сравнивать второй визит на Гнилую мель с первым. Вот только ураган…

Еще минута, и под брюхом флаера замелькали тростники – сначала отдельными островками, а вскоре и сплошным шевелящимся ковром. Шквалы гнули тростник, и он послушно сгибался, ложился горизонтально, но все равно поднимался вопреки всему и в конце концов одерживал верх. Именно он, а не ветер. И не человек…

– Не вижу никаких песчаных кос, – проорал пилот, хотя и без крика был отлично слышен.

– Поворачивай на юг.

– Что?

– На юг, я сказал. Ты оглох? Этой части Гнилой мели я не знаю, а южнее точно есть песочек. Я там бывал.

Пилот мотнул патлами, будто отгоняя муху, а может быть, поддавшись нервному тику, и неуклюже развернул флаер. Теперь свинцовая стена надвигалась слева и была пугающе близка. Чего точно не стоило делать, так это дожидаться еще одного сильного шквала. Поэтому когда среди сплошного волнующегося тростника Эрвин различил что-то иное, смахивающее на кустарник с желтыми проплешинами песка, он дал команду садиться. Медленно и грузно, как неповоротливое животное, «летающий вагон» опустился плоским брюхом на указанное место. Когда пилот отключил антиграв, флаер чуть просел, придавив своим весом ненадежную почву, но не провалился и не покосился. Могло быть хуже.

Смолкли двигатели. Пилот раскрыл рот и задышал часто-часто, как собака на солнцепеке. Он был похож на только что откачанного утопленника. Эрвин подмигнул ему, отстегнулся и полез в грузовой отсек.

Там стонали и ругались. Масштабы бедствия примерно соответствовали ожиданиям. Чего и ждать, когда в ограниченном пространстве катаются люди и незакрепленные бруски золота… В стенах и даже на потолке появились глубокие вмятины. Тот самый детина, что вожделел женщину, теперь баюкал сломанную руку. Ссадины и ушибы разной тяжести получили все. Один мычал и держался обеими руками за голову, получив, судя по всему, сотрясение мозга. Двоим совсем не повезло: раненный при набеге на Рупертвилль, сломал себе шею, так и не проснувшись, и еще один труп с раздробленным черепом наглядно показывал, что бывает, когда тяжеленный золотой брусок превращается в таран. Каин щупал свои ссадины и был очень зол. Но прежде Эрвин взглянул на Кристи.

Она была жива, хоть и помята не меньше других. Как устроилась в уголке, так там и сидела, прижав пальцы к вискам. То, что надо. Но пусть посидит еще…

– Порядок, – сказал Эрвин Каину. – Успели.

– Порядок? – Каин бешено выругался. – За такой порядок кишки выпускают. Эй, взять его!

В одно мгновение Эрвин был схвачен и согнут в бараний рог с завернутыми за спину руками. Он и не пытался сопротивляться.

– Выслушай, Каин. Мне жаль твоих людей, но тут уж ничего не поделаешь. За стихию я не ответчик. Зато здесь нас вряд ли отыщут. Потом – Сковородка… Это хороший план, ты ведь знаешь. Но даже если ты отказался от него, все равно лучшего места отсидеться, чем Гнилая мель, не придумаешь. Скоро начнется ураган, но здесь все равно безопаснее, чем на материке…

Каин приблизился.

– Ударь меня, если хочешь, – продолжал Эрвин. – Назначь виновным, избей, преврати в фарш и выброси в топь. Отведи душу. Только это уже ничего не изменит. Удач без потерь не бывает. Смотри в будущее, твоя главная удача там. Не здесь. Я знаю это не хуже тебя, потому что я на твоей стороне, и еще потому, что мне тоже нужна удача…

Кричи, схваченный, извивайся, имитируй истерику – и как минимум одного короткого удара под дых было бы не миновать. Но спокойный тон порой отрезвляет даже таких, как Каин. Тот только подышал над Эрвином. Качнул головой, оскалился.

– Складно поешь, умник. Удачу сулишь. Убитых ты тоже мне вернешь? Нет? Ладно, потом с тобой поговорим… Отпустите его.

Отпустили. Кто-то все же пнул Эрвина сзади – чепуха, не стоящая внимания. Сделав Каину знак подождать, Эрвин, шагая через ноги и золотые бруски, направился к Кристи, присел рядом на корточки, прижался лбом к ее лбу. Терпение, девочка, только терпение! Ты сможешь, ты должна. Молчи, молчи…

Он шептал о терпении и гладил ее руки. Кристи хотела что-то сказать, и Эрвин, почувствовав это, поспешно встал. Не время для бесед. «Летающий вагон» содрогнулся под ударом очередного шквала.

– Придется поскучать, – сказал Эрвин Каину. – Выходить наружу никому не советую. Очень скоро начнется.

Началось даже раньше, чем он думал. В корму ударило так, что, казалось, вот-вот проломит металл. Корпус завибрировал мелкой дрожью, заныли какие-то детали. Ураган больше не разменивался на шквалы, он накрыл Гнилую мель и начал показывать ей, что такое настоящий ветер.

Как будто она не знала.

Глава 6
Муравьиная работа

Следующие сорок часов остались в памяти как непрекращающийся кошмар. «Летающий вагон» дрожал и скрипел под напором ветра. Временами казалось, что флаер ползет судорожными рывками, как издыхающий червяк. А может, и не казалось. Может, так оно и было.

Вибрировал и гудел корпус, тростники хлестали по нему, как кнуты, и временами что-то било в корму – то ли вырванные с корнем кусты, то ли несомые ураганом ошметки болотного ковра. Возможно, даже ветви деревьев, сломанные ветром аж на Счастливых островах. Эрвин был готов поверить и в такое.

Первый час он успокаивал Каина и остальных рассказом о том, как он и Кристи переждали такой же шторм на болоте и остались живы. Потом он понял, что тот шторм был все-таки слабее и до звания урагана не дотягивал.

Но распространяться об этом не стал.

И первый, и второй час люди сидели в томительном напряжении, прислушиваясь к каждому скрипу корпуса. Вскоре один запросился по малой нужде, чем вызвал шквал грубых шуток. Для страстотерпца полезли искать ведро, не нашли и приспособили пластмассовый ящик из-под инструмента. Потом ящиком пользовались все, не исключая и Кристи, ради которой Каин, поймав взгляд Эрвина, догадался прикрикнуть на своих людей, чтобы не зубоскалили и отвернулись.

Тускло горел свет в двух плафонах, содрогался корпус, стала плохо работать вентиляция, забитая, как видно, всяким летящим мусором… На пятом часу ожидания многие уснули, а на лицах бодрствующих застыло угрюмое терпение. Банг! – гулко ударило в корму что-то большое, но лишь один из спящих поднял голову. Пока все шло как надо. Простым напором ветра ураган не мог разломать корпус флаера, но Эрвину не нравился скрип. Усталость металла – это не шутка. А еще хуже – люди, они ведь не прочнее металла. Когда угнетенная психика начнет выкидывать злые шутки? Кто первый не выдержит, начнет вопить дурным голосом и драться, запросится на волю? Этот? Или вон тот?

Сквозь подступающую дурноту Эрвин просчитал несколько вариантов, продумал свои действия в каждом из них и все варианты, кроме одного, оценил как сравнительно безопасные. Сложнее всего пришлось бы в том случае, если бы наименее крепкая психика оказалась у Каина. Но этот вариант по всей логике был наименее вероятным: пахан может разыграть истерику, но истерик не станет паханом.

А Кристи? Если не выдержит она?

Просчитав напоследок и это, он испытал глухое раздражение. Больше нечего было считать – ну разве что развлекаться решением очередных вариантов задачи трех тел из звездной динамики… Когда-то это помогало держать мозг в тонусе. Но тогда весь организм был ослаблен хронической усталостью в комплекте с хроническим же недоеданием и многого не просил…

Теперь не было достойной задачи.

Прошли еще часы, и Эрвин впал в забытье. Возможно, он порой засыпал, потому что сам не мог точно сказать, все ли время ожидания слышал рев урагана и содрогание корпуса, – но большую часть времени провел в полудреме-полуяви. Он мог бы мгновенно отреагировать на внезапно возникшую опасность, но никакой новой опасности не возникало, Каин храпел, бодрствующие покорно сносили тревогу и тоску, и ровным счетом ничего не происходило. Что делать, когда нечего делать?

Так прошел день, а ночью ураган сменил направление. Ветер ударил в бок, и «летающий вагон» дрогнул и пополз. Он полз медленно, короткими рывками, с каждым рывком пытаясь развернуться по ветру, как всякое порядочное судно, но и кренился с каждым рывком. Потом он перестал смещаться, но продолжил понемногу крениться на правый борт. Крен был невелик, но действовал на нервы. Прошло еще сколько-то времени, и один из людей Каина, пощупав под собой, вскочил с ругательством:

– Мокро! Эй, нас заливает!

Очнулись все. В самом деле, сквозь уплотнитель задраенной двери тонкими струйками просачивалась вода. Радости это зрелище не прибавило.

– Что скажешь, умник? – рыкнул Каин.

Эрвин пожал плечами:

– Мы на Гнилой мели. Это все-таки мель, а не горный хребет. В прилив ее затапливает. Может, не всю, но процентов на девяносто – точно. Явление самое обыкновенное. А тут еще ураган – стало быть, к приливу добавилось нагонное наводнение. Наш флаер стоит брюхом в воде. От ветровой нагрузки деформировался корпус – несильно, но дверь потеряла герметичность. Придется потерпеть какое-то время.

– Как долго?

– До рассвета примерно…

– А нас не утопит до рассвета?

– Чего ради нас должно утопить? – презрительно фыркнул Эрвин. – Мы что, слепые котята? Справимся.

– Ну, смотри, умник… Не ошибись.

Утром, когда ураган начал стихать, воды в трюме «летающего вагона» было по колено у левого борта и по пояс – у правого. Однако диагностика бортовых систем показала норму. А когда, судя по наружным звукам, ураган превратился просто в сильный ветер, Каин, бегло взглянув на Эрвина, приказал пилоту открыть дверь. Та с гулом дернулась, но осталась на месте, зато в образовавшуюся щель хлынул поток жидкой грязи.

– Закрой! – заорал Каин и первый бросился помогать гудящему механизму. – Ну, навалились разом! Тряпками, тряпками затыкай!

Заткнули. Переглянулись.

– Можно вылезти через пилотскую кабину, – сказал Эрвин.

– Без тебя знаю! – Каин был вне себя. – А дальше что?

– Увидим – поймем.

– Что поймем? – истерически выкрикнул детина со сломанной рукой. – Поймем, что застряли здесь навсегда?

Послышался ропот.

– Я этого точно не пойму, – твердо выговаривая каждое слово, сказал Эрвин. – Не умею я понимать таких вещей. А пойму я другое: как нам отсюда выбраться. Я всегда выбирался. Понятно? Пусть тот, кто со мной и вот с Кристи, делает то, что я скажу. Временно. Каин, ты не против?

Воцарилась тишина. Как ни измучены были люди, каждому было любопытно поглядеть, каким именно способом Каин поставит на место наглеца, пытающегося оспорить у него, хотя бы и на время, власть пахана. Выпустит кишки или просто макнет и подержит под водой, пока пришлый дурачок, не понимающий законов, не начнет пускать пузыри? Одно было ясно всем: терпеть такое нельзя.

И Каин не стерпел. Но прежде чем он начал движение, Эрвин поднял руку:

– Стой, Каин. Я все понял. Не вмешиваюсь. Ты здесь всё, а я никто. Распоряжайся сам.

Прислонившись к борту, он скрестил руки на груди и закрыл глаза. Хочешь застрелить, зарезать, избить? Пожалуйста, вот он я. Не молю о пощаде, не сопротивляюсь, не бегу, да и

куда отсюда убежишь? Но решай. Ты вожак, на тебя смотрят. Ты промедлил – я показал тебе, что и сам могу повести за собой твоих людей. Ты сам виноват. Ты, конечно, не простишь мне этого, но сейчас ты растерян, не знаешь, что делать, и выбора у тебя, в сущности, нет, если только ты не захочешь стать одним из аборигенов Гнилой мели, о которых ты наверняка что-то слышал. И ты, конечно, гораздо умнее покойного Юста, а потому уже начал догадываться, что не стоит ломать меня о колено, как бы тебе этого ни хотелось…

И ничего не случилось. Тишина продлилась секунду-другую, и Каин сказал:

– Полезай наружу, умник.

Бредя по воде в пилотскую кабину, Эрвин споткнулся обо что-то мягкое – не иначе о труп. Каин шел следом, сердито дыша в спину. Как и следовало ожидать, малая дверь с наветренной стороны открылась автоматикой без проблем, и сейчас же в кабину ворвался ветер, ударил в лицо, загудел и завыл. Морщась, Эрвин выбрался по скобам на крышу.

«Летающий вагон» стоял в воде. Вода была повсюду, по ее мутной поверхности бежала крупная сердитая рябь, в ней лежал пригнутый ураганом тростник, а поверх него ветер гнал пучки гнилых водорослей и ошметки грязи. Как всегда, болото хотело поглотить Гнилую мель, и, как всегда, мель застряла у него костью в глотке. Вот и теперь у болота ничего не вышло, а картина апокалипсиса – так, видимость… Никакой это не апокалипсис.

– Ну? – мрачно спросил выбравшийся следом Каин.

– Скоро вода спадет, тогда и увидим, – ответил Эрвин.

– А она спадет?

– Куда она денется…

Спустя час и впрямь начался спад воды, а через три часа «летающий вагон» обмелел настолько, что вокруг него можно было ходить, не замочив щиколоток. Правда, ходить было трудно: при каждом шаге песок-плывун вцеплялся в ступни и не очень-то стремился возвращать их владельцу. Кое-как выдирая ноги из песка, Эрвин дважды обошел флаер по кругу.

Радоваться было нечему: «летающий вагон» прочно завяз. Даже прочнее, чем предполагал Эрвин, сидя внутри.

– Ну? – теряя терпение, спросил Каин.

– Задержка, – объяснил Эрвин. – Мы застряли, как видишь. Это поправимо, но придется поработать. Для начала мы очистим от песка дверь, откроем ее и дадим вылиться воде. Затем разгрузим трюм, избавимся от всего лишнего, похороним погибших и попытаемся оторвать флаер от грунта на антиграве. Одобряешь?

– Избавимся от всего лишнего, говоришь? – Пристально глядя на Эрвина, Каин имел задумчивый вид.

– Если ты решил, что мы с Кристи лишние, то это ошибка. Впрочем, тебе решать.

– Ладно, умник… Начинай работать.

Можно разгрести руками сырой песок и выкопать порядочную яму, но разгребать плывун – дело безнадежное. Минут через пять это признал сам Каин.

– Хватит месить эту жижу. Еще думай.

– Тут и думать нечего, – сказал Эрвин, отряхивая руки. – Надо ждать. В отлив станет суше. Я знаю такие островки. Тоже порядочное дерьмо, но лучше, чем трясина.

– Почему сразу не сказал?

– Ты не очень-то веришь словам. Кстати, пускай остальные выбираются наружу.

– Думаешь, они станут помогать тебе копать? – ухмыльнулся Каин.

– Без твоего приказа – ясно, что не станут. Но хоть защитят.

– От кого? – Каин покрутил головой. – Мы одни.

– Если я хоть что-нибудь понимаю, эти тростники скоро выпрямятся, – объяснил Эрвин. – Они такие. Тогда враг сможет находиться в пяти шагах от тебя и оставаться неви-

димым. Вооруженный и очень голодный дикарь, уже пробовавший человечину. Причем не один, а сразу много. С бичами из лозы. Знаешь, что это такое?

Каин нехотя кивнул. Всякий береговой обитатель хотя бы слыхал, что такое лоза-бичевка и каковы свойства сделанного из нее бича. Информация просачивается, несмотря ни на какие кордоны.

– Не стоит недооценивать туземцев, – добавил Эрвин. – Я уверен, что уже сейчас за нами наблюдают. Эти люди как тростник – их валят, а они все равно живы. Им не на что надеяться, зато порой сюда сама приходит пища. Вот мы, например.

Каин пронзительно свистнул. Из верхнего люка высунулась голова Шпули. Каин махнул мальчишке рукой.

– Давай всех сюда.

И вновь стал крутить головой. Вокруг сколько хватал глаз расстилался полегший тростник, и неопрятными кучами валялись там и сям измочаленные обрывки болотного ковра. Не наблюдалось кустов, ураган выкорчевал их и унес, но с того было не легче. Залегший в тростнике терпеливый наблюдатель, оставаясь неподвижным, имел все шансы не выдать себя.

Похоже, Каин это понял. На одного из своих наорал, другого пнул, чтобы пошевеливался, словом, привел людей в тонус. Расставил по периметру, велел глядеть в оба. Кристи присела на корточки, опершись спиной о борт «летающего вагона», и выглядела отрешенной. Можно было представить себе, чего ей это стоило!

Второй раз очутиться на Гнилой мели… И одного-то раза многовато для психики нормального человека, тем более женщины.

Прошел час, и с виду почти ничего не изменилось, только ветер ослаб, а тростники предсказуемо начали выпрямляться. Медленно-медленно. За этот час Эрвин всего один раз подошел к Кристи, присел и коснулся ее лба своим.

– Держись, – прошептал он. – Не выходи из роли. До Сковородки ты должна продержаться. Постарайся.

Она ничего не ответила, но он почувствовал ее состояние. Она была готова терпеть столько, сколько в ее силах, до предела. Но где он, этот предел? Расчет давал слишком большую погрешность.

– Что она тебе сказала? – спросил Каин, когда Эрвин отошел.

– Чтобы я не приставал к ней с разной чепухой. По большому счету ничего не изменилось. У нас получится, она давно это подсчитала.

Ходить по песку стало легче. Эрвин выждал еще некоторое время и попробовал копать. Теперь плывун обнаружился на глубине двадцати сантиметров. Песчаный островок понемногу обсыхал.

– Еще час. Или…

– Что «или»?

– Или два.

Каин только выругался. Шло время, приближался полдень, полегший тростник поднимался, а завязший в песке флаер еще даже не начали освобождать. И когда Эрвин предпринял еще одну попытку раскопать дверь, Каин приказал двоим присоединиться к работе. На сей раз дело пошло веселее – вода ушла вглубь еще на добрую пядь. Пилот забрался в кабину, снаружи помогли в шесть рук – и дверь наконец-то отъехала в сторону.

Вырвавшийся из трюма поток грязной воды окатил всех троих и вынес наружу одного покойника – второй застрял среди сидений. Повинуясь окрикам Каина, люди копали руками неглубокие могилы, а Эрвин решил не распространяться на тему, что сделают с закопанными мертвецами обитатели Гнилой мели. Вычистили трюм от грязи, выбросили лишнее. Золотые

слитки – самый бесполезный груз на Гнилой мели – сложили в штабелек на тростниковой подстилке. Пилот попытался оторвать флаер от песка.

Тщетно. «Летающий вагон» даже не шевельнулся. Будто прирос к Гнилой мели.

Нарочито медленно Каин подошел к Эрвину. Теперь в пахане было что-то от Юста.

– Что скажешь, умник? Кажется, твоя баба сказала, что у нас получится?

– Она не говорила, что получится с первой попытки. – Эрвин указал рукой на глубоко засевшее в песке днище флаера. – Здесь дрянной песок. Когда в нем полно воды, он засасывает, как топь. Надо копать.

– Ну так копай!

– Совет примешь? Четверых с лучеметами на крышу, и пусть стреляют во все, что движется. Впрочем, пока тростник не поднялся, хватит и двоих. Остальным – копать.

– Руками?

– Чем угодно, только быстрее. Скоро вода опять начнет подниматься.

– С чего ты взял?

– У Хляби всего четыре луны, периоды их обращения известны. Не так уж трудно рассчитать время очередного прилива и его силу.

Лицевые мышцы Каина подергивались от бешенства.

– Нет худа без добра, – примирительно сказал Эрвин. – Мы засели, зато нас вряд ли ищут. То есть ищут, но лишь на берегу и после такого урагана больше для проформы. Сюда не сунутся. Кому придет в голову, что мы на Гнилой мели?

Спустя пять минут пятнадцать человек облепили «летающий вагон», как муравьи большую личинку. Лопаты? Зачем они, когда есть руки. Влажный песок так и летел прочь. Детина со сломанной рукой, и тот работал здоровой конечностью. Копал и Каин, как заведенный, не останавливаясь, не ругаясь и лишь временами коротко взрыкивая по-звериному. Работать, муравьи! Работать! Не спать! Копали все, кроме двух дозорных на крыше и Кристи, безучастно присевшей в сторонке на охапку тростника. Вокруг корпуса флаера ширился ров. Левый борт удалось освободить, и Каин перебросил всех на правый. Тут дело пошло хуже: уперлись в плывун, ровик стал оплывать, заполняясь мутной влагой и песком пополам с илом. Работа для землечерпалки, не для людей…

– Прибывает вода, а? – крикнул Каин.

Эрвин ответил кивком и бросил копать. Опять попробовали взлететь, и многим даже показалось, что флаер вот-вот вырвется из плена. Возможно, так и случилось бы, но пилот решил помочь двигателями. Вышло только хуже: вибрация, передавшаяся через корпус на плывун, практически уничтожила всю работу.

Каин бушевал, ругался на чем свет стоит и дважды прицеливался из лучемета в Эрвина. А тот глядел на пахана, изобразив на лице детское любопытство, и это озадачивало Каина. Спусковой крючок так и не был нажат.

– Ну что вылупился? Скажи, что нам теперь делать, ты ведь умник!

– Ждать следующего отлива, что же еще.

– Скоро?

– Вечером. Но это будет слабый отлив. Я бы не слишком надеялся. Зато под утро отлив будет что надо. Тогда и выберемся.

– Если только до той поры этот песок не засосет флаер еще глубже! – крикнул Каин.

– Обязательно засосет, – с готовностью согласился Эрвин. – Он это умеет. А мы умеем копать. Его умение против нашего умения. У нас нет гидроизолирующих материалов, нет насосов, чтобы отвести воду, нет даже ваг, чтобы приподнять корпус. Мы можем только копать. Или не копать и остаться здесь на веки вечные. Хороший выбор, правда? Я за то, чтобы копать.

Каин хотел сказать что-то, но прежде чем он открыл рот, крикнул один из его людей, прислушивавшихся к разговору:

– Опять будет то же самое!

– То есть ты предлагаешь поселиться на Гнилой мели? – презрительно спросил его Эрвин. – Валяй, только без меня. Мне здесь не нравится. Я буду копать. Пожалуй, стоит провести ревизию, посмотреть, не сгодится ли что-нибудь вместо лопат…

Сгодились потолочные панели из твердого пластика, а среди инструментов нашелся гидравлический резак. Пластик порезали на куски. Если нужно чем-то занять людей, то лучше всего занять их работой. Не захотят сами – показать пример. Скучно ведь убивать время без всякой цели. Строго говоря, нервничать – это тоже занятие, но дрянное. Для работы лучше всего приспособлены руки, затем ум, ну а психика – последнее дело.

Жаль только, что работы для рук оказалось немного.

В полдень немного перекусили остатками взятой с собой деревенской снеди и распотрошенным НЗ с флаера. Эрвин и Кристи получили по четыре галеты. Две Эрвин съел, тщательно прожевав, а две спрятал в карман.

– Не хочешь жрать – верни назад, – буркнул Каин.

– Почему не хочу? Очень даже хочу.

– Тогда как тебя понять?

– А надо ли меня понимать? – сказал Эрвин. – Ты извини, конечно, но понимать меня ты начнешь тогда, когда всерьез и надолго застрянешь на болоте. Но я постараюсь, чтобы этого не случилось… Что там делают твои ребята?

– Эти, что ли? Отдыхают.

– То есть бездельничают. Это плохо.

– Прикажешь им опять копать? – усмехнулся Каин. – Они тебе башку оторвут.

– Приказываешь здесь ты, – пожал плечами Эрвин. – Мое дело давать советы. Когда-то я давал советы президенту, и он не жаловался. Могу дать и тебе. А могу не давать.

Каин медлил, подозревая подвох. Неспешно прибывала вода, пропитывая песок, и оплывали, будто воск на солнце, края выкопанной вокруг флаера канавы, а угрюмые люди либо сидели на охапках мокрого тростника, либо слонялись туда-сюда, даже не переругиваясь. Дурной признак. Они просто ждали, и кто-нибудь из них мог вообразить, что ждать больше нечего.

– Ну? – нахмурился Каин. – Давай свой совет.

– Нам нужно взять одного из здешних обитателей, – сказал Эрвин. – Обязательно живым и по возможности не покалеченным. Назначь для этого ребят половчее. Остальные пусть режут тростник. Чем шире голая полоса вокруг нас, тем безопаснее.

– Где ты видишь здешних обитателей? – скривился Каин.

– Нигде. Зато они нас видят. За нами давно наблюдают, я это точно знаю.

– Уверен?

Эрвин кивнул.

– Это Гнилая мель, – сказал он. – Тут иначе не бывает. Здесь мало пищи, поэтому для любого местного посторонний человек – либо конкурент в борьбе за пищу, либо сам пища. Чтобы понять, кто он такой, надо понаблюдать за ним. Скрытно, разумеется. А прятаться в тростниках местные умеют. Я бы не терял времени, пока тростник еще не поднялся.

Словно в ответ на его слова с крыши «летающего вагона» ударил лучемет, и далеко к югу из полегшего тростника взвился фонтанчик пара.

– Какого… – зарычал было Каин и встретился взглядом со Шпулей. Мальчишка пребывал в возбуждении. – Ты стрелял?

– Там… вроде человек, – указал рукой Шпуля.

– «Вроде» – или человек?

– Не знаю. – Шпуля потупился. – Кажется, человек. Ну, может, животное, только оно было о двух ногах…

– Попал?

– Не знаю…

– Больше пока не стреляй. Значит, говоришь, – обернулся Каин к Эрвину, – взять живьем? Зачем?

– Поговорить.

– С людоедами? О чем?

– Думаю, найдутся темы, – сказал Эрвин. – Мы тут копаем песок, как муравьи, и не справляемся с плывуном, но мы – маленький муравейник. Отлив нам поможет, но лучше действовать наверняка. Надо, чтобы нас стало больше.

– Хочешь наловить этих одичалых и заставить их работать? – догадался Каин и, скривившись, сплюнул.

– Не заставить, а уговорить, – поправил Эрвин. – Получится куда эффективнее. У нас найдется что им предложить. Мы можем пообещать этим несчастным то, что ценнее пищи. То, чего у них не было давным-давно. Надежду.

Каин думал недолго.

– А потом обманем их? – сказал он с пониманием. – Ясно. Теперь я вижу, что ты и в самом деле давал советы президенту…

Глава 7
Где найти еще муравьев?

Вид пленного был ужасен. Не радовал и запах. Донельзя грязное, покрытое нарывами, босое существо в прелых лохмотьях, грозящих расползтись в труху и слизь от малейшего движения, но каким-то чудом еще держащихся на тщедушном теле, вызывало лишь желание поскорее пристрелить его то ли от омерзения, то ли из жалости. Другой на месте Эрвина подивился бы тому, что отряд из шести человек, направленный Каином за пленным, взял его живым и геройски доволок до «летающего вагона». Эрвин просто отметил это как факт. Каин не угрожал, не казнил, не наводил ужас, но его слушались. Сам Каин не пошел ловить туземца и не пустил Эрвина, предпочитая лично приглядывать и за ним, и за Кристи. Само собой, этот факт также был молчаливо отмечен.

– Сопротивлялся, – с гадливой гримасой доложил старший в отряде ловцов. – Бичом меня чуть не огрел. Потом намылился было бежать. С виду в чем душа держится, а прыткий, сволочь…

– Где бич? – спросил Эрвин.

– А? Отстрелил я его. Напополам.

«Прыткий», едва его отпустили, тут же сел на тощую задницу, не выбирая места, и уткнулся усаженной болячками мордочкой в грязные ревматические колени. Так жертва замирает перед пастью хищника, видя, что некуда бежать и нет спасения. Жри.

Никто не знал, что с ним делать. Больше всего хотелось, чтобы этого человека вдруг не стало, чтобы таких существ вообще не существовало в природе. Старший среди ловцов забросил лучемет за спину, присел на корточки и принялся ожесточенно тереть ладони мокрым песком. Каин понюхал воздух, дернул кадыком и зашел с наветренной стороны. Кивнул Эрвину: валяй, работай, а я посмотрю…

Не стоит говорить о гадливости с тем, кто прошел Саргассово болото. Эрвин заставил себя сесть рядом с пленником.

– Тебя не убьют, – заговорил он медленно, стараясь, чтобы каждое слово впечаталось в сознание туземца. – Нам не нужно твое мясо. Мы хотим только поговорить. Ты понимаешь меня? Кивни, если понял.

Никакого результата.

– Как тебя зовут? – продолжал Эрвин. – У человека должно быть имя. У тебя оно есть? Я Эрвин. Эрвин Канн. А ты?

Молчание. Но пленник отчего-то вздрогнул. Случайность – или следствие, имеющее причину?

– Тебя отпустят, как только ты поговоришь со мной, а если не будешь слишком упрямиться, то и покормят. На, смотри. – Эрвин вынул из кармана галету. – Видишь? Это галета. Ты еще помнишь, что бывает на свете и такая еда?

Последовало молниеносное движение, но Эрвин успел отдернуть руку.

– Э нет, дружище, так не пойдет. Сначала имя.

Пленника затрясло. Ходуном заходили костлявые плечи, задрожали колени, затрясся череп, покрытый длинными редкими волосами, слипшимися в грязные сосульки. Существо скулило, как животное, – бессмысленно и надоедливо, вряд ли даже стараясь вызвать жалость. Ему просто хотелось скулить, и оно скулило.

– Имя! – грозно потребовал Эрвин.

Пленник вновь вздрогнул и перестал дрожать. Скулеж прекратился. Существо подняло голову и взглянуло на Эрвина гнойниками глаз. Стоящий в стороне Каин брезгливо передернулся.

– Марк, – сиплым, но неожиданно внятным голосом произнес пленник. – Марк Вонючка. Не думал, что еще раз встречусь с тобой, Эрвин Канн…

– А я тебя не узнал, – сказал Эрвин. – Помню нашу встречу. Ты не захотел тогда пойти с нами к Счастливым островам. Ушел обратно вместе с Яном. А я пошел дальше.

– Дошел, значит?

– Точнее, дополз.

– Понятно… – Марк Вонючка попытался рассмеяться и зашелся в приступе надрывного кашля. – Поня… кха!.. Как же иначе… Господин советник… кха!.. Никогда не ошибающийся гений, попавш… кха!.. попавший-таки в лапы закона. Ну и как оно тебе, в лапах? Скажи, ты жалел о том, что я ушел? Еще одним меньше, кого мож… кха!.. можно было подставить вместо себя…

– Ты назвал имя, – сухо прервал его Эрвин, – значит, заработал галету. Лови.

Марк на лету сцапал галету, сунул в провал рта и захрустел то ли ею, то ли осколками зубов. А Эрвин, обернувшись, бросил людям Каина:

– Воды! Нет, не этой! Пресной, из флаера.

Никто бы не пошел за водой по его воле, но Каин приказал – и пошли. Каину было интересно.

Нашлась и пластмассовая кружка. Эрвин наполнил ее и протянул пленнику:

– Пей.

Уговаривать Марка не пришлось. Жуткая образина пила воду, катала ее языком во рту, глотала мельчайшими глотками и сладостно стонала от наслаждения. Чему и дивиться: вода на Гнилой мели такая же, как и во всем Саргассовом болоте, то есть солоноватая и с тухлым привкусом, а дождевую воду не во что собрать. Разве что выжимать ее из своих немыслимых отрепьев… Марк тянул наслаждение, а когда оно кончилось, спокойно вернул кружку Эрвину.

– Благодарности ты от меня не дождешься, Эрвин Канн…

– А ответа дождусь? – слегка усмехнулся Эрвин. – Меня интересуют ответы на некоторые вопросы. Например: откуда ты знаешь, что я был советником президента?

– Если бы я знал это при нашей первой встрече, то убил бы тебя, – тусклым голосом сказал Марк. – Сам бы помер, но и тебе не жить.

– Понятно. Тебе рассказал обо мне Ян Обермайер. Что с ним?

– Давно мертв. Он желал проповедовать, а людям на Гнилой мели не нужны проповеди. Им нужна еда. Это так просто, а он хотел сложного.

Эрвин покивал. Фанатичному проповеднику церкви Господа Вездесущего, конечно, не место на Гнилой мели, где могут выжить лишь фанатики борьбы за собственную жизнь. С фанатизмом вообще надо поосторожнее, ему нужно удачное приложение, а тут оно единственно возможное. Что ж, Ян выбрал свой путь – и ошибся.

Впрочем, охромев, он все равно только тормозил бы движение. Какой, собственно, выбор у него оставался? В обоих случаях – закономерный итог, не понятный заранее только твердолобым…

– С нами тогда была еще молодая женщина, – сказал Эрвин. – Ее звали Лейла, ты ее не видел. Она отстала от нашей группы до того, как мы наткнулись на тебя. Не знаешь случайно, что с ней стало?

– Не знаю, – покачал головой Марк. – Никогда не видел и не слышал. А что стало – нетрудно догадаться. Особенно тебе, господин советник, ты ведь у нас гений по части догадливости…

– Хочешь еще галету? – спросил Эрвин.

– Хочу.

– Получишь, если скажешь, за что у тебя на меня зуб.

– Ха-ха! Даром скажу! – Марк непроизвольно сглотнул. – Это ведь ты, Эрвин Канн, порвал мою жизнь на две половины. Знаешь, кем я был на материке? В той, прошлой половине я был физиком, заместителем руководителя проекта. Научный центр при Отделе перспективных исследований Генштаба!

Эрвину редко случалось быть потрясенным, но сейчас он испытал именно потрясение. Вот это номер! Скажешь кому – никто не поверит. Выходит, то, что он плел Джанни Риццо о встреченном им на Гнилой мели физике из секретного проекта, было чистой правдой!

«Становлюсь пророком», – подумал Эрвин.

– Ну конечно! – Внешне он не выказал удивления. – Вы так скрывали свои секретные разработки, что о них узнали даже в правительстве Лиги. Президент был в ярости. Ему пришлось давать неприятные объяснения, банкротить корпорацию, оплачивающую твои амбиции, и подчищать хвосты. В любом случае должны были полететь головы – для общей пользы, между прочим!

– Хорошо говоришь. Убедительно. – Марк смотрел на Эрвина совершенно по-волчьи. – Но это ты подсказал президенту, как выпутаться из дерьма малой кровью. Не вздумай отрицать, это был ты. Я давно это понял.

– Я даже не знал о твоем существовании.

Марк зло засмеялся, и смех вновь перешел в кашель.

– Еще бы, где тебе зна… кха!.. знать! В твоих расчетах я был пренебрежимо малой величиной. Я просто оказался тем, на кого удобно повесить всех собак. Был Марком Шнайдером – стал Марком Вонючкой. Экая потеря для мироздания! Тьфу, да и только. Не о чем говорить. И при чем здесь ты? Конечно же ни при чем! Я должен винить не тебя, а обстоятельства!

– Вот именно, – сказал Эрвин. – Почему бы тебе не винить тех болванов, что не обеспечили секретности? Или себя самого? Ты правда думал, что работа над туннельной бомбой, тайно финансируемая правительством задрипанной планеты, будет одобрена правительством Лиги? Ты думал, что никто не поинтересуется, зачем Хляби понадобилось противопланетное оружие? Ведь нет, ты так не думал?

Новый приступ кашля сотряс все тело пленника. На мокрый песок упал комок кровавой слизи.

– Ты просто решил, что вот он, твой шанс выдвинуться, – безжалостно продолжал Эрвин. – Это так понятно, так по-человечески. Шанс был дан тебе вместе с риском, а ты почему-то решил, что получил шанс бесплатно и по заслугам. Кто же виноват в том, что ты впал в самообман и не пожелал заглянуть вперед? Может быть, я?

Марк все кашлял и кашлял. Наверное, он хотел возразить, но не мог.

– Потом мы встретились здесь, неподалеку отсюда. Ты не захотел идти к Счастливым островам. Говоришь, если бы узнал меня, то убил бы? Вот уж вряд ли. В твоих глазах я был уже покойником, и ты наверняка пожелал бы, чтобы меня убило болото – желательно не сразу, а медленно. Знал бы ты тогда, кто я, тебе было бы весело. А теперь тебе совсем не весело. Видишь женщину? – Эрвин указал на Кристи. – Узнаешь ее? Она пошла со мной и выжила. И я выжил. А ты предпочел гнить на Гнилой мели, хотя мог бы ухватиться за новый шанс. Он был мал, но он существовал. Ты прошел мимо. Ты струсил. Иногда трусость полезна, но только глупец трусит всегда. Ты глуп, Марк Шнайдер…

Марк кашлял, махал руками, тряс головой и тщетно пытался ответить. Да, подумал Эрвин, трудно найти человека, который не считал бы себя центром вселенной. Что мне его вселенная? Каждый носит в себе свою, какова бы она ни была. Но Марк ошибается. Я вовсе не его злой гений. Да, это я, именно я подсказал Сукхадарьяну линию поведения в том межпланетном скандале, и было мне тогда противно и стыдно, потому что самое очевидное решение оказалось самым эффективным. Без всяких советников с их советами президент

сделал бы то же самое, он ведь умел складывать два и два, обладал здоровым чувством самосохранения и совсем не был наивным простаком…

– Говорят, дуракам везет, верно? – сказал Эрвин, когда Марк, отхаркнув в очередной раз кровавую слизь, перестал кашлять. – Правильно говорят. Слушай меня внимательно, Марк Шнайдер. Тебе повезло. Уже завтра ты можешь оказаться на Счастливых островах. Нам нужна помощь, и мы готовы за нее платить.

– Кто эти люди? – спросил Марк.

– Тебя не касается. Видишь, наш флаер завяз. Нас восемнадцать человек, а надо еще столько же. Тогда мы вытащим флаер и переправим всех, кто согласился нам помочь, на Счастливые острова. Можешь набрать людей?

Марк кивнул.

– Тогда иди. Найди тех, кто может работать. Расскажи им о Счастливых островах. Я жил там. Там сытно, там здоровый климат, там ты вылечишь свои болячки и забудешь свое прозвище. Там целебные источники и минеральные ванны. Там много дичи, и никому из людей не придет в голову жрать друг друга. Понял? Так и говори другим, тем более что это чистая правда. Иди. Приведи людей.

Марк медлил. Он улыбался, и улыбка выглядела жутко. На миг Эрвин подумал, что бывший физик сошел с ума, но нет – он просто улыбался доброй сказке.

– Я могу сказать им, что ты обещал?

– Можешь, – уверенно заявил Эрвин.

– Ты в самом деле обещаешь?

– Сомневаешься?

– Имею причины, – сказал Марк. – В той жизни я не сталкивался с тобой, но и там, и здесь кое-что слышал. В тебе нет и никогда не было ни доброты, ни сострадания, ни совести. Один голый расчет. Как я могу тебе верить?

– Тогда не верь, – предложил Эрвин. – Просто уходи и не возвращайся. Тебе не станут стрелять в спину, ты нам не нужен ни живой, ни мертвый. Мы найдем более сговорчивых, а ты останешься здесь. Устраивает?

Марк молчал.

– Я спрашиваю, устраивает тебя такая жизнь?

– Нет…

– На. – Эрвин протянул ему последнюю галету. – Ешь.

…Когда скрюченная фигура Марка Вонючки пропала в море наполовину распрямившихся тростников, Каин, приблизившись к Эрвину, заметил негромко:

– Интересно было вас обоих послушать…

– Правда? – поднял бровь Эрвин. – И что же нового ты для себя открыл?

– Тебе нельзя верить.

– Как знаешь. Она мне верит, – Эрвин вновь указал на Кристи, – и этого мне обычно хватает. А я верю ей. Мы сами по себе и в твое братство не просимся. Но я твой должник, а значит, сделаю так, что ты останешься доволен.

С хлюпаньем выдирая ботинки из цепкого песка, Каин переступил с ноги на ногу, посмотрел вниз, пробормотал «вот дерьмо», и надо было полагать, что он имеет в виду плывун. Хотя кто знает.

– Как ты думаешь захватить Сковородку? – спросил он.

– Приблизимся на малой высоте с креном и рысканьем, дадим сигнал бедствия, сядем, а дальше просто. Серьезной охраны там нет – не от кого защищаться. Придется только напугать персонал, чтобы спецы не попортили аппаратуру. Ну, побегать, поорать, пострелять в воздух, собрать всех, кто там есть, в одну кучу, чтобы молились и ждали худшего… Твои ребята справятся.

– Допустим, – сказал Каин. – А потом?

– А потом будут переговоры с материком. Наши условия против их условий, наш блеф против их блефа. Когда там поймут, что мы не требуем слишком жирных кусков, но от своего не отступимся, будет заключено соглашение. В самом худшем случае ты станешь совладельцем Сковородки, но думаю, что все-таки единоличным хозяином. Правительству придется проглотить это, и оно проглотит – для него-то по большому счету ничего не изменится.

– Кто владеет Сковородкой?

Эрвин улыбнулся:

– Думаешь, я стал бы предлагать захватить имущество действительно влиятельного лица? Успокойся. Есть там у них один жировичок, ничего особенного собой не представляет, но аж из кожи лезет, до того лояльный. Удобная фигура. Не правительству же владеть Сковородкой. Считается, что правительство ничего не знает об этом канале контрабанды.

Каин подумал. Кивнул.

– Ладно. Ты ведь уже понял, что если врешь – пожалеешь. Теперь главное: а что дальше? После переговоров?

– А дальше я сочту, что мы с тобой в расчете, – объявил Эрвин. – Ты останешься доить контрабандистов, а мы с Кристи избавим от своего присутствия и Сковородку, и саму Хлябь. Для нас обоих это не родная планета, ностальгических чувств не вызывает… особенно после Саргассова болота. Надеюсь, мы расстанемся довольные друг другом.

…Медленно-медленно прибывала вода, и песок превращался в жижицу. Простым глазом было заметно, что «летающий вагон» ушел в плывун еще на добрые две пяди. Каин бродил вокруг чернее тучи. Он хотел было снять с крыши двоих дозорных как лишний вес, но Эрвин тактично воспротивился этому, указав на тростниковые заросли. Тростник уже почти выпрямился и мог скрывать в себе любую опасность.

Шло время.

И ничего не происходило, если не считать того, что настроение людей – особенно Каина – заметно портилось. Когда стало ясно, что напряжение вот-вот прорвется взрывом, Эрвин чуть мотнул головой, приглашая пахана отойти для разговора.

– Зря нервничаешь, – шепнул он.

– Это ты будешь мне указывать, зря или не зря? – вызверился Каин. – Ты?

– Могу молчать, – легко согласился Эрвин. – Могу просто смотреть на тебя и ждать, когда ты доведешь себя до истерики. Вот тогда я ни за что не поручусь, а уж за твоих людей меньше всего. Они ведь на тебя смотрят. Во что им еще верить, как не в тебя? Твоя вера в успех – это их вера.

– Учи ученого, – пробормотал Каин, и Эрвин понял, что выиграл раунд. – Ты хоть знаешь, что они с тобой сделают, если мы не выберемся отсюда?

– Догадаться нетрудно. Но мы выберемся.

– Поглядим…

– Гнилая мель велика, за час людей не собрать. Надо ждать, просто ждать. Все будет хорошо, вот увидишь. Я знаю.

Каин пробормотал ругательство, что было ожидаемо, но, судя по его виду, слегка успокоился. Опасность не миновала, но отступила на время. Эрвин знал, что если Марк не приведет людей до рассвета, то жестокая и глупая разборка неминуема. Яснее ясного, кто окажется в роли жертв. А Марк может задержаться, поскольку Гнилая мель и вправду велика, и еще по множеству разных причин. Ему могут просто не поверить, потому что мало кто верит в добрые сказки. Он может попасться людоедам. Может подвернуть себе ногу, может по-глупому завязнуть в плывуне, да мало ли что еще… Здешний песок – одно название, что песок. Он состоит из слишком мелких песчинок, в нем много ила, а еще больше воды. Он дрянь и враг, он засасывает не слабее трясины, разве что медленнее. Зато и держит прочнее.

Эрвин догадывался, что должны быть какие-то формулы на этот счет, но он не знал их и не мог вычислить скорость засасывания. А! Что толку считать, когда и так видно: если не удастся в ближайший отлив освободить «летающий вагон», то он останется здесь навсегда и через несколько дней уйдет в плывун по крышу. Каин тоже это понимает.

Но он еще верит. Это главное. А его люди смотрят на него и продолжают терпеть.

– Если Марк приведет людей до заката, это будет хорошо, – сказал Эрвин. – Но я бы не очень на это надеялся. Будет вполне приемлемо, если он приведет их к рассвету.

– Ночью – здесь ходить?

– Ночь будет светлая. Пройдут.

– Ты что, ходил здесь? Ночью?

– Я даже бежал, – уточнил Эрвин. – Жив, как видишь.

– Ну, тогда я спокоен! – саркастически ухмыльнулся Каин. – А почему ты бежал-то? Гнались?

– Тех, кто хотел сожрать нас, мы побили. Но могли быть и другие. Ты ведь догадываешься, наверное, чем живут обитатели Гнилой мели? – Каин угрюмо кивнул. – Ну, мы и решили, что не надо тут задерживаться. У нас ведь не было лучеметов…

Каин вновь кивнул: понятно, мол, дальше можешь не объяснять. Он уже собирался вернуться к своим людям, когда Эрвин сказал:

– Тот, кого я проткнул пикой, назвал себя Крюком. Он был здесь местным царьком, вождем каннибалов. Ты знал его?

Каин посмотрел на Эрвина с интересом и покачал головой:

– Нет. Кажется, что-то слышал… давно. Нет, не помню. Зачем тебе?

– Если уж на то пошло, может, скажешь, как тебя зовут по-настоящему?

– Каин.

– Допустим. А почему?

– Хороший вопрос, глупее трудно придумать. А почему тебя зовут Эрвин?

– Так звали моего деда по отцовской линии. Гм… возможно, это не мое дело, но я как-то не могу представить себе родителей, решивших назвать своего сына Каином. Все-таки тот библейский тип убил своего брата Авеля…

Каин прочистил горло. Сплюнул.

– Я тоже убил Авеля. И он не был моим братом. Тот еще громила. Это не кличка, его действительно так звали. Гнусный тип. Когда я попал в его банду, он решил, что нашел того, над кем можно изгаляться в свое удовольствие. Тогда я вызвал его на бой на ножах, на честный бой, как заведено. Он согласился и не принял никаких мер, потому что был уверен, что и так легко победит… Он ошибся.

– И тогда тебя прозвали Каином… Ирония и уважение, понимаю.

– Да. Я стал вожаком и превратил банду в братство.

– Девятнадцать человек из двадцати сказали бы, что не видят разницы между этими понятиями.

– А ты?

– А я – двадцатый, – заявил Эрвин. – И не назойливый. Каин так Каин.

Он попробовал пройтись, беззаботно насвистывая, мимо хмурых людей Каина, но из этой затеи ничего не вышло – подлый песок засасывал ноги. Эрвин присел рядом с Кристи на охапку тростниковых стеблей.

– Держишься? – шепнул он ей, как только перестал привлекать общее внимание.

– Да.

– Потерпи еще. Завтра все кончится. Будет еда, чистая вода и покой. Сколько хочешь покоя. А потом мы отправимся на твою Твердь или еще куда-нибудь.

– Я хочу домой, на Твердь…

– Значит, улетим на Твердь.

– Врешь, – тихо сказала Кристи. – Ты сам сказал, что не хочешь на Твердь. Там тебе никто не предложит стать советником президента.

– А вдруг мне понравится?

– Что тебе может понравиться? Просто жить, как живут все люди? Это не для тебя.

Кристи покачала головой и вдруг сменила тему:

– Эти люди… ну, которых приведет Марк… если приведет… ты ведь решил обмануть их?

– Придется. – Эрвин поморщился. – У нас не хватит топлива, чтобы перебросить их на Счастливые острова, а потом вернуться за остальными. Максимум, что мы можем себе позволить, – доставить на острова Марка Вонючку. Если он перед этим как следует отмоется, конечно.

– Каин согласен? – спросила Кристи.

– Он разумный человек.

– Значит, согласен… Поманить надеждой и обмануть… Да, это ему понятно… Знал бы ты, как мне надоел твой подлый рационализм!

– Я не виноват, что он порой бывает только подлым и больше никаким.

– Все равно… – пробормотала Кристи.

Эрвин вздохнул.

– Не забывай, что ты аутистка, – сказал он. – Тебя не должны волновать чужие проблемы. Впрочем, есть другой вариант. Даже два варианта. В теории мы можем удрать с этой планеты не только через Сковородку. На Хляби есть космодром и законсервированные лет сто назад Врата гиперпространственного канала. Когда-то ими активно пользовались во всей Галактике, пока не выяснилось, что их работа влияет на атмосферные процессы гораздо сильнее, чем старты шаттлов…

– Я знаю.

– Ну так вот: мы можем ориентироваться либо на космодром, либо на Врата. – Эрвин понизил голос. – В обоих случаях это крайне рискованный, хотя и принципиально возможный путь. Он займет много времени, и я даже приблизительно не берусь сказать, скольких трупов и разбитых судеб он будет стоить. И еще: решение надо принимать сейчас. Братству Каина нужна Сковородка, а не материк. Следовательно, нам придется устроить так, чтобы туземцы Гнилой мели, которых приведет Марк, перебили Каина с его людьми. Иного выхода я не вижу. Тебя это устраивает?

– Нет.

– Я так и думал. Но знаешь, поле возможных решений в нашем положении крайне ограничено. Либо горькое разочарование нескольких человек, либо смерть гораздо большего числа людей. Выбирай. Можешь посетовать на то, что жизнь несправедлива, но – выбирай!

– Делай как знаешь, – прошептала Кристи.

– Сделаю, что в моих силах, – пообещал Эрвин.

Он хотел было прижаться лбом к ее лбу, имитируя сеанс эмпатической связи. Но Кристи отвернулась.

…Пробиваясь сквозь болотные испарения, заходящее солнце сделалось багровым, как накаленный кирпич. Оно еще не успело кануть за размытый горизонт, как Шпуля по-мальчишески пронзительно закричал с крыши «летающего вагона»:

– Идут! Идут!

Глава 8
Освобождение

Не дойдя тридцати-сорока шагов до флаера, люди остановились. Их было около двадцати пяти, и Марк Вонючка совершенно терялся среди них. Чему и дивиться? Гнилая мель всех стрижет под одну гребенку. Отвращение и чувство опасности, настороженность и гадливость – никаких других эмоций не вызывали и не могли вызвать эти существа.

Люди Каина зашевелились, заворчали. Никто не командовал «лучеметы – к бою», и не было нужды командовать, как не было нужды объяснять разницу между черным и белым, – стволы сами повернулись в сторону местных. Каин и Эрвин вышли вперед.

– Можно я поговорю с ними? – спросил Эрвин и дождался снисходительного кивка. – Эй! Всем стоять! Бичи положить. Положить бичи, я сказал! И пики тоже. Ты, тебе говорю! Бич на песок! Вот так… Марк, ты здесь? Выйди.

Из толпы туземцев тоже вышли двое – Марк и заросший густым грязным волосом детина выше Марка на голову. Марк держался на полшага позади и, стараясь еще сильнее уменьшиться в росте, горбился и втягивал голову в тщедушные плечи.

Ни одной женщины, только мужчины. Ни стариков, ни доходяг. Может быть, Каин не понимал, что это значит, зато понимал Эрвин: Вонючка привел не команду наспех собранных туземцев, а банду вроде достопамятной банды Крюка. Скорее всего, напоролся на нее случайно и, зарабатывая себе право не быть немедленно убитым и съеденным, привел к флаеру.

Впрочем, не все ли равно, чьи руки будут копать песок? Все туземцы – людоеды, а если кто не успел им сделаться, то лишь потому, что сам стал едой…

Нет, сказал себе Эрвин, приглядываясь к вожаку. Не все равно. Сильные руки лучше слабых.

– Ты! – указал он на детину. – Назовись!

Детина харкнул в его сторону.

– Ты Эрвин Канн, да? Бывший советник бывшего президента? Вонючка рассказал…

За спиной вожака Марк усиленно закивал.

– Ты назовешь себя – или позволишь нам считать, что ты дурно воспитан? – осведомился Эрвин.

– Нам? – осклабился вожак. – Так ты с ними? С береговым братством? Без оружия? Ну-ну. – Он засмеялся, и смех быстро перешел в хрип. Последовал новый плевок.

– Будь добр, прикончи его, – сказал Эрвин Каину так, чтобы вожак услышал. – Он нам не нужен…

– Бес, – быстро сказал вожак, прежде чем Каин нажал на спусковой крючок. – Так зовут меня мои люди.

– Бес так Бес, – согласился Эрвин. – А что, похож. Живи пока, Бес, и считай, что тебе повезло. Вонючка сказал тебе, зачем нам нужны твои люди?

– Да.

– Ты покажешь им пример? Будешь копать песок?

– Сначала накорми нас всех от пуза, а потом поговорим об оплате.

– Еды нет, – отрезал Эрвин. – Еда будет на Счастливых островах. Некоторые думают, что их не существует, а я жил там. Много хорошей еды, много солнца, моря и вкусной воды в ручьях. Морской курорт, где места хватит на всех. И это та плата, за которую ты будешь работать так, как никогда еще не работал. Если не удастся освободить флаер, не будет никаких Счастливых островов. Тебе ясно?

– Значит, за это… – Бес закашлялся. Сплюнул себе под ноги. – Значит, за это ты перевезешь меня и моих людей на Счастливые острова?

Он не верил. Да и кто из сумевших выжить на Гнилой мели поверил бы в почти даровое счастье?

Это так. Но кто в глубине души не надеется на случай? До какого озверения надо дойти, до каких глубин пасть, чтобы навсегда погасла искорка надежды? Нет таких глубин.

– В два приема и без оружия, – уточнил Эрвин. – Мы не хотим никаких случайностей. Свои пики и бичи вы получите назад по прибытии на место. И еще: для лентяев и увечных мы не извозчики. Кто не может или не хочет копать, может хоть сейчас валить отсюда. Теперь ясно?

Нет, и теперь еще Бесу не все было ясно.

– Пусть он, – последовал кивок в сторону Каина, – назовет себя и даст слово от имени братства.

– Каин. Даю слово.

Сказано было с запинкой, пусть крохотной, но достаточной для внимательного человека. Вне всяких сомнений, Бес тоже заметил эту запинку. Но и бровью не повел.

– Я что-то слыхал о тебе, Каин. Южный берег, так?

– Так.

– Ты даешь нам слово, что перебросишь всех нас на Счастливые острова?

– Ты слышал условие, – на сей раз твердо ответил Каин. – Если все так и будет, я переброшу вас на Счастливые острова.

Бес приблизился. Мокрый песок чавкал под его ногами. Вблизи стало видно, что вожак каннибалов когда-то был рыжим – этакий викинг с широкой грудью и узловатыми мышцами. На его фоне Каин смотрелся жидковатым франтом.

– Прямо сейчас копать без толку, – хрипло сказал Бес. – Засосет.

– Копать будем утром. А сейчас я хочу, чтобы твои люди несли дозорную службу. – Каин указал на тростник. – Лишних гостей нам не надо, и вас тоже не надо до отлива. Берите свои кнуты и мотайте отсюда.

– Этот пусть останется, – сказал Эрвин, указав на Марка Вонючку, и встретил его благодарный взгляд. – Можно ему остаться?

– Если будет держаться с подветренной стороны, – пробурчал Каин, наблюдая за тем, как банда Беса исчезает в тростниках. – Фу-у… Ну и вонь от них!

– Его могут убить и сожрать, если он останется с ними. Что им вонь?

– Да понял я, понял! – в сердцах сказал Каин. – За младенца меня держишь? Вижу, с кем дело имею!

– А ты понял, что Бес заметил золото? – тихо спросил Эрвин. – Ты понял, что он не поверил твоему обещанию?

– Поверил или нет – главное, чтобы копал!

– Он будет копать, – пообещал Эрвин. – А вот что случится потом, я не знаю.

Он отошел, оставив Каина размышлять. Пусть, пусть пошевелит мозгами, благо тема для размышлений богатая. Не время пахану изображать благородного разбойника. Одна маленькая запинка в речи может дорого обойтись, если не принять мер. Но копать придется всем вместе, иначе отсюда не вырваться. А дальше… нетрудно понять, что будет дальше, а вот чем кончится, зависит главным образом от Каина…

А также от любой глупой случайности. Умными такие случайности не бывают.

Эрвин просчитал несколько вариантов и ни одним из них не остался вполне доволен. Ну что ж… судьба.

Указав Вонючке место в сторонке, он сел возле Кристи.

– Мне нужно поспать хотя бы час. Ничего, если я положу тебе голову на плечо?

– Разве это мое плечо? – тихо спросила Кристи. – Мы все твои, мы марионетки. Ты у нас кукловод. Зачем спрашивать у марионеток, нравится им то, что ты с ними делаешь, или нет?

– Не то, – поморщился Эрвин. – Не забывай изображать аутистку. Взгляд в одну точку, никакого любопытства к тому, что вовне. Меньше слов, а лучше вообще молчи. Ты говоришь длинно, а главное, неверно. Я не кукловод, и это очень жаль. На рассвете куклы станут вести себя, а я должен уснуть, чтобы быть свежим. После меня можешь поспать ты. Идет?

– Как скажешь…

Он видел, что она очень устала, устала чисто физически, не говоря уже о психологии. Спина у нее, наверное, переламывалась. И все же он положил голову на плечо Кристи и уснул почти сразу. А когда проснулся, была ночь.

Без слов Эрвин чуть отодвинулся, пригласил Кристи полулечь и пристроил ее голову себе на колени. Он чувствовал дрожь ее тела – ночь выдалась очень прохладной. Как тогда, два года назад… Тогда тоже была весна с холодными ночами.

Была бы зима – не дошли бы.

«Не дошли бы вдвоем, – поправил он себя. – Ведь Кристи в прошлый раз могла бы дойти… То, что случилось с ней, не поддавалось никаким расчетам. Вероятнее было то, что дойдет и она, но случилось менее вероятное, а затем, по прошествии времени, и вовсе невероятное. Провалиться в топь и не утонуть… Лучшие биологи Лиги с радостью отдали бы полжизни, чтобы изучить этакое чудо – симбиоз двух животных с разных планет, причем один из симбионтов – человек. Порой случаются такие чудеса, что только руками разведешь, а иногда, совсем редко, они даже бывают сродни счастью. Но кто и когда строит расчеты на ожидании чуда? Только тот, кто заранее готовит себя к проигрышу. Вот наступит рассвет – и не будет никаких чудес, а произойдет неизбежное…»

Кристи перестала дрожать, тихонько всхлипнула и уснула. Следя за маленькой холодной луной, что едва заметно ползла по небу, Эрвин подумал о том, как он устал. Не умом – чисто физически. После симбиоза с язычником следовало бы с месяц приходить в себя при помощи анатомической кровати и щадящей лечебной гимнастики – да кто ж расщедрится и даст этот месяц? И тем более анатомическую кровать.

А умом не устал. Просто надоело решать однотипные задачи.

Изредка удавалось найти нетривиальные решения, что развлекало. Но они предсказуемо не были оптимальными, уступая решениям тривиальным.

Если бы не Кристи…

Эрвин знал: что-то сломалось в нем в ту ночь на болотном островке, когда он защищал товарища от зверья, хотя внутренний голос просто кричал ему: это не товарищ, это недруг, этот человек ни за что не ответил бы тебе тем же, а значит, он не более чем параметр в расчетах и свежее мясо, отдай его хищникам и живи! Эрвин поморщился, сообразив, что какой-нибудь болван, каких вокруг умного человека всегда пруд пруди, назвал бы его поступок мужским, а то и геройским. Глупость какая… Слова, не имеющие ни почвы под собой, ни значения. Что такое мужчина? Здоровенный кроманьонец, встречающий наставленным копьем лезущего в пещеру медведя под верещание детей и бабий визг за спиной?.. Он и есть. Кроманьонцу были неведомы все блага и подлости цивилизации, он не знал даже банальной теории игр и вел себя как продвинутое, но все же животное. Следовательно, тот, кто совершает так называемые мужские поступки, ничем не лучше прочей фауны. Храбр? Ну и молодец. А как насчет храбрости принять решение, идущее вразрез с расхожими представлениями о долге и чести? Причем иногда во благо тех, кто держится за эти представления, как хромой за палку! Как насчет этого?

Кристи уже знает как. Он сказал ей. Умный эгоист слывет альтруистом, а можно сказать шире: умный внушает глупым, что он лучший и благороднейший из них. А он просто другой.

Кристи не захотела поверить на слово, но запомнила. Верит ли сейчас?

Детский вопрос. И да, и нет. Как ей захочется в данную минуту, так и будет. А захочется так, как покажется выгоднее – не рассудочной части мозга, а совсем другой, ведающей инстинктами. Так проявляется простодушный эгоизм всякого живого существа. Инстинкт выживания, инстинкт продолжения рода… Дай самке самца, а самцу самку, дай обоим пищи, дай вырастить потомство, дай выдвинуться в уважаемые члены стада – и больше, по сути, ничего. Разве что у Марка Шнайдера когда-то – да и то не факт – было вдобавок ко всему этому еще и любопытство ученого, но он ведь исключение. Точнее, был исключением, а сейчас он просто Марк Вонючка…

Считать было нечего. От скуки Эрвин решил в уме очередной вариант задачи трех тел и, как обычно, не угадал вариант, при котором система потеряла бы наиболее массивное тело. Мерцали звезды. Подул предутренний ветерок, заставив плотнее запахнуться в куртку. Песок понемногу обсыхал, грядущий день обещал быть погожим, и нечего было бояться нагона воды. «Летающий вагон» погрузился еще немного, зато природа не чинила препон. Чего ж еще желать? Чтобы люди перестали рвать друг другу глотки, иначе говоря, перестали быть людьми?

К счастью или несчастью – никогда этого не будет.

Звезды начали гаснуть, когда к Эрвину подошел Каин. Одновременно проснулась Кристи, сонно пробормотала что-то непонятное и, получив незаметный Каину тычок, все вспомнила. Умница.

– Они идут, – без радости в голосе сказал Каин.

– Идут, – согласился Эрвин.

– Слышишь?

– Носом чую. Совет примешь?

– Давай.

– Пусть сложат свое оружие в стороне, как вчера. Шпулю с лучеметом – на крышу, все равно землекоп из него аховый. И не надо, чтобы местные чередовались с нашими. Пусть возьмут на себя, скажем, корму, а мы будем откапывать носовую часть.

– Без тебя бы я никак не догадался, – буркнул Каин. – Ты-то будешь копать?

– А чем я лучше других? – спросил Эрвин. – В надсмотрщики по причине отсутствия оружия не гожусь, значит – землекоп.

– Можно уже начинать, как ты думаешь?

Эрвин поковырял песок ногой. Проверил ладонью на влажность.

– Рановато. Но – нужно. Во избежание.

– Правильно.

Паханам не задают вопросы, зачем они спрашивают других, если и сами знают, как правильно. Эрвин промолчал.

Кристи сморщила нос, когда возле «летающего вагона» появились туземцы, и с содроганием отвернулась, заметив их жадные взгляды. Ненадолго вышла из образа, на что, кажется, никто не обратил внимания. Было не до того.

Быстро светало.

Каин расставил людей.

Как муравьи, облепившие толстую дохлую гусеницу, сорок человек окружили флаер. Разом – ну! – полетели в стороны горсти песка. Спустя десять минут вокруг флаера возник ровик, возник – и тут же стал заполняться водой.

– Шире ров! – крикнул Эрвин. – Углубляй его на расстоянии от борта!

Сам же и показал, как и где. Эх, все равно это паллиатив… Если бы можно было откачать воду! Если бы на Гнилой мели росли деревья, годные как рычаги!.. Но не было ни шлан-

гов, ни насосов, ни рычагов, были только люди, превратившиеся в кротов. Копай! Глубже копай, шире и быстрее!

Первым отвалился Бес в показном изнеможении.

– Ни хрена не выйдет…

– Работай! – гаркнул на него Каин. – Хочешь на Счастливые острова? Говори: хочешь, нет?

– Я говорю, надо подождать немного…

Короткая вспышка, протянувшийся луч, вонь горелого мяса – и голова Беса, дымясь, упала в плывун на дне ровика, а туловище завалилось на бок. «Работать! – страшно орал Каин – Убрать падаль и копать!» Черные слова гирями вылетали из его рта. Умница, молча похвалил его Эрвин. Все сделал как надо, без подсказок сообразил обезглавить банду в самом начале. Теперь эти чучела могут и не решиться напасть… или все же решатся? Кто тут у них ближайший подручный Беса? Ага, вон тот коротышка… Растерян. Еще ни до чего не додумался. И старательно копает. Это хорошо…

Чушь. Это не хорошо и не плохо. Это – параметр.

Копать, копать!.. Если не вытащить флаер, все остальное потеряет смысл. И Эрвин копал не хуже других, швыряя песок через плечо, и то же самое делали все, исключая Кристи на куче тростника и Шпули на крыше. Отлив уже шел вовсю, но еще не достиг полной силы. Однако ровик понемногу обсыхал, что придавало бодрости. Глубже! Еще глубже!..

– А теперь – все вместе – копаем под бортом! – крикнул Эрвин. – Пилот – в кабину! Жди сигнала.

Отряхивая руки, пилот побежал куда было велено. Остальные с еще большей яростью накинулись на песок. Сейчас решалось все.

– Разом! – надсаживаясь, кричал Каин. – Руки отсохли? Ноготок сломать боитесь? Живее! Трое – на правый борт! Ну чего вылупился? И ты тоже!..

Сейчас все и произойдет, подумал Эрвин.

И произошло.

По крику Каина пилот включил антиграв. Подкоп с левого борта уже ушел под днище, но правый борт, увязший глубже, еще находился в плену Гнилой мели. Все – к правому борту! Навались! Мешая друг другу, люди толкали «летающий вагон» так, будто стремились его опрокинуть. По песку прошла короткая дрожь. Еще! Толкай!.. И вот – с громким чавкающим звуком днище вырвалось из плывуна. «Летающий вагон» победно взмыл на высоту человеческого роста, показав грязное брюхо, медленно поплыл вперед и мягко опустился на обсохший песок.

Крикам радости помешало только одно – булькающий хрип. Не успел флаер приземлиться в безопасном месте, как один из людей Каина вдруг схватился за горло, судорожно и бесполезно пытаясь заткнуть фонтан крови, и сел, еще живой, умирающий, в широко раскрытых глазах – не страх, а только недоумение. И сейчас же Эрвин рванулся вперед.

Чем длиннее лоза-бичевка, тем дольше сохраняет она свойства смертоносного бича. Трехметровый бич может прослужить год, а обрывок длиною в руку превратится в бесполезный шнур уже через несколько дней, – но в долговечности ли дело, если оружие нужно всего на один бой? Удобное оружие, которое так легко спрятать в лохмотьях…

И ножи можно.

Уклонившись от свистящего бича-малютки, Эрвин ногой отбросил в сторону лучемет, выпущенный умирающим из рук. Подсек ногу убийцы, упал сам, перекатился, а когда поднялся на одно колено, вдруг понял, что лучше полежать. Над ним свистели бичи и шваркали лучеметы. Над ним орали и хрипели. Братство Каина наконец-то спохватилось. Эрвин не мог не признать: коротыш, заменивший Беса, выбрал идеальный момент для нападения.

Но Каин?! Как он мог отвлечься хотя бы на долю секунды?

Теперь пахан исправлял свою ошибку и делал это тактически грамотно, не впадая в истерику. Аборигенам Гнилой мели нужно было всего лишь навязать братству Каина ближний бой – и победа осталась бы за ними. Не без тяжелых потерь, конечно, но кто с ними считается, когда речь идет о том, чтобы вырваться из Саргассова болота?! Исход дела решили мгновения, и на сей раз Каин не сплоховал. Когда Эрвин наконец поднялся на ноги, все было кончено, лишь кое-кто шипел и ругался, осматривая глубокий порез. Для братства дело так и обошлось одним убитым. Он уже закатил глаза и не двигался. Дымились трупы туземцев. Лишь один из них был еще жив. Он прятался позади Кристи, приставив ей нож к шее. Он отступал, прикрываясь ею. Фух! – сработал лучемет на крыше «летающего вагона», и дело было кончено. Кристи с воплем отскочила от падающего на нее безголового трупа, а Шпуля, радуясь своей меткости, издал торжествующий боевой клич и сплясал на крыше что-то вроде чечетки.

Взошло солнце, бросив оранжевый свет на дымящиеся трупы.

Молча выкопали могилу для убитого. Молча простились. Молча грузили золото.

А потом, когда настало время грузиться самим, Каин навел на Эрвина ствол лучемета.

– Ты останешься. И твоя баба тоже.

Вряд ли пахан ожидал увидеть улыбку на лице Эрвина. Однако увидел.

– Срываешь на мне злость, великий стратег? Тебя ведь предупреждали.

Он видел, как по лицу Каина прокатились желваки. Но меньше всего пахан был сейчас расположен вступать в дискуссию.

– Отойди и не глупи.

Глупить? Все-таки Каин ничего не понял… Присев на корточки, Эрвин нарисовал пальцем на песке окружность, а внутри ее – несколько прямоугольников.

– Смотри внимательно, Каин. Запоминай. Это Сковородка. Посадочная площадка – здесь. Подлетать нужно на малой высоте вот отсюда. Сопротивление если и будет, то слабое, его можно подавить на подлете. Сесть, во всяком случае, можно. Дальше все решит быстрота. Вот и вот – это должно быть захвачено в первую очередь. Две группы по четыре-пять человек, больше не требуется. Постарайтесь не попортить аппаратуру. Остальным надо всего лишь громче орать и сеять панику. Дело простое.

– Мечтай, мечтатель, – презрительно сказал Каин. – Счастливо оставаться.

И до последней секунды в живот Эрвину смотрело дуло его лучемета. Потом Каин вместе со своим оружием исчез в чреве флаера, встала на место дверь, и «летающий вагон» быстро пошел вверх, разворачиваясь носом на юго-восток. Эрвин помахал ему рукой. Очень скоро флаер превратился в точку и растворился в болотных испарениях.

Кристи беззвучно плакала. Нож оставил порез на ее шее, но она не замечала крови.

– Как же мне не везет… Всю жизнь не везет ни в чем, всю мою проклятую жизнь…

– Почему не везет? – спросил Эрвин.

– Потому что связалась с тобой! – крикнула она. – Без тебя бы я была мертва, давно мертва! И все кончилось бы! Лучше умереть, чем так мучиться!

– Ты говоришь о нравственных терзаниях?

– О них! Ты, конечно, не понимаешь, что это такое! Знаешь, а не понимаешь! Тебе это не дано! Ты не можешь ни любить, ни горевать, ни терзаться, ты умеешь только считать!

– Кажется, совсем недавно ты беспокоилась о туземцах, а не о себе, – заметил Эрвин. – Ты бы уж выбрала что-нибудь одно. Как видишь, нам не пришлось обманывать их – сами нарвались. Ты хотела освободить этих людей – ну так теперь они свободны от всех долгов, а заодно и от людоедства. Посмотри на них. Ты желаешь себе такой же участи?

– Вычислитель! Машина!

– Что ты имеешь против машины, которая вывезет нас отсюда? Смотри: у нас есть бичи, ножи, шесты. Мы еще слабы, зато не голодны. Мы знаем дорогу к Счастливым островам. У нас гораздо больше шансов, чем в тот раз.

– Нет! – крикнула Кристи. – Только не это! Опять то же самое… Я же не выдержу, как ты не понимаешь! Это ты у нас железный, а я простая женщина, я не смогу пройти через все это еще раз!..

– И не понадобится.

– Что?..

– Каин вернется еще сегодня, – убежденно сказал Эрвин. – Ставлю десять против одного.

Глава 9
По пеленгу

Эрвин солгал: на самом деле он поставил бы максимум три к одному за возвращение Каина, но и этот прогноз был неплох. Главное, все прошло предсказуемо, не случилось ничего, что не было бы просчитано заранее.

Даже неинтересно.

Хотя одна смерть была все-таки лишней, ее можно было бы избежать. Разумеется, Каин свалил свою вину на постороннего человека – а что еще ему оставалось делать, чтобы не потерять лицо? Опять-таки ничего нового, стандартная психологическая реакция. Не застрелил того, кого назначил виновником, – и ладно. Уже одно это должно было успокоить Кристи, если бы женщины жили рассудком.

Эрвин осмотрел трупы, пошарил в тростниках и сложил в кучу все оружие, какое нашел. Он видел, что трупы действуют Кристи на нервы, но ничего не предпринял: их засосет песок, когда наступит прилив. А если до прилива сюда явятся другие туземцы, то их гораздо больше заинтересует мясо неподвижное, нежели мясо ходячее и вооруженное. У жизни на Гнилой мели простые, циничные и предельно естественные правила.

Он нарвал тростника на подстилку и сел лицом к Кристи, чтобы отреагировать на опасность, появись она за ее спиной. Он молчал, молчала и она. Потом сказала:

– Есть хочется…

– Угу, – согласился Эрвин.

Еще помолчали.

– Почему он нас бросил? – спросила Кристи.

– От злости, – охотно объяснил Эрвин. – Любой бы озлобился. Он потерял людей, да и я под него не очень-то гнулся.

– Тогда почему он не убил тебя? Бандит ведь…

– Потому что бандит, но человек. Это бывает.

– Ты давно это понял?

– Заподозрил сразу. А понял в деревне.

– А почему ты думаешь, что он вернется?

– Ну, это совсем просто, – сказал Эрвин. – На берегу его, наверное, все еще ищут. Если возвращаться на старые места, то выход у братства один: бросать флаер, прятать золото и долгое время отсиживаться в какой-нибудь норе без гарантии, что все обойдется. Это первое. Второе: я напомнил ему о Сковородке, и его люди это слышали. За свои мытарства они захотят большего, чем уже имеют. Третье: я дал ему понять, что не претендую на владение Сковородкой. Четвертое: из всей этой компании на Сковородке бывал только я один. Слов и рисунка на песке недостаточно, а мои знания имеют цену. Есть и пятое, но ты назовешь это соображение чисто субъективной материей, а меня – зазнайкой…

– Может, не назову…

– Назовешь.

– А ты все-таки скажи.

– Пятое – я ему интересен, – объяснил Эрвин. – Не стану терзать тебя математикой, скажу просто: это не главная причина, но и ее полезно учесть. Она повышает точность прогноза. Каин чуточку более развит, чем требуется главарю шайки, он и сам об этом догадывается. Он почувствует настроение своих людей, но вернется не только по этой причине.

– Нарциссизм, – пробормотала Кристи.

– Объективность, – возразил Эрвин.

– Почему ты не защитил меня, когда на меня напал тот тип с ножом? Даже не попытался…

– Потому что Каин упустил момент и чуть не завалил все дело, а я существую только в одном экземпляре. В двух местах одновременно быть не могу. Если бы я сразу кинулся к тебе, еще неизвестно, как обернулось бы дело для всех нас.

– Выходит, ты действовал оптимально? По расчету?

– Нет, – с сожалением признал Эрвин. – Можно было действовать лучше. Я тоже упустил момент. Погибший столько же на моей совести, сколько на Каиновой.

– Самокритичный Нарцисс – это что-то новое, – чуть заметно улыбнулась Кристи, и Эрвин понял, что истерика к ней в ближайшее время не вернется. – А вот Шпуля – молодец…

– У него уже есть опыт убийства.

– У этого мальца?

– Он недавно прошел инициацию, – объяснил Эрвин. – Ты заметила, каков он был после набега на Рупертвилль? Сам не свой. Нетрудно догадаться, что там произошло. Каин велел мальчишке застрелить управляющего – поставленного на колени, молящего о пощаде. И Шпуля застрелил его.

– Я не знала…

– Довольно стандартная процедура для таких вот местных парнишек, которым неохота всю жизнь копаться в грязи, как их родители. Кто-то выбирает грязь, кто-то – кровь, альтернативы этому выбору почти что нет. Он выбрал.

Кристи понурилась и смолчала.

– Если бы не инициация, он мог бы от волнения промахнуться, попасть в тебя или вообще не выстрелить, – добавил Эрвин. – Все в этой жизни взаимосвязано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.